

**ИДЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИДЕЙНЫЕ ЗАДАЧИ ПРО-
ЛЕТАРСКОГО СОЦИАЛИЗМА.**

«Не надо полемики!» кричат нам противники социал-демократии из других революционных и оппозиционных течений. Надо бороться с общим врагом — самодержавием, а не растрачивать силы на «братоубийственную» войну.

И в то же время почти каждый номер газет, издаваемых этими противниками, приносит с собой новое нападение на ту или иную идею, составляющую основной элемент нашего соц.-демократического мировоззрения. Люди, видимо, хотят «объединения» или «сближения», но практика политической деятельности неудержимо заставляет их вырабатывать свою собственную программу, которая стала бы идейным центром для сплочения пробуждающихся сил тех классов, которых интересы они стремятся выразить. А так как эти интересы не совпадают с интересами пролетариата, так как поэтому политические партии, служащие этим интересам, стоят во всех основных социально-политических вопросах на иной точке зрения, чем какую занимает партия пролетариата, и так как, по условиям русского общественного развития последних десятилетий, партия пролетариата успела раньше других классовых партий определить основные элементы своего мировоззрения и утвердить их влияние на всю революционную среду, то естественно, что каждый шаг в формировании вновь выступающих партий должен сопровождаться атакой на то или иное — программное или тактическое — положение пролетарской партии.

Благодаря всему ходу русского политического развития общественные идеи, выражающие собою классовые интересы русского пролетариата, на время стали достоянием всей серьезно-революционной части русской интеллигенции. Знаменем для всех серьезных врагов самодержавия стал научный «марксистский» социализм — эта идеология классовой борьбы пролетариата. Было время — и еще недавно — когда активно бороться с основами самодержавия можно было только во имя рабочего движения. В легальной печати и в ученых обществах — конечно, в обесцвеченном виде — марксизм задавал тон всей передовой части интеллигенции.

Не особенными талантами русских социал-демократов объяснялось это явление. Оно коренилось в том факте, что в эпоху общественной реакции 15 лет, последовавших за 1 марта, один только русский пролетариат, как класс, проявил политический смысл, один только он неудержимо развивался и оказался способным не только вести общественную борьбу, но и — в силу этого — поглощать общественные симпатии всех активно революционных элементов, выделявшихся нашим обществом. Старый русский социализм, разбитый наголову в лице

Нар. Воли, не мог уже возродиться в виде особого политического направления внеклассовой интеллигенции, отражавшей в своих воззрениях интересы еще не дифференцировавшейся, еще не разложившейся массы «трудящегося народа». Вместе с этой недифференцированной массой, которую капитализм быстро разлагал на мелкую буржуазию и пролетариат, исчезла и социальная почва для старого народнического социализма. Интеллигенция, тяготевшая к еще не пролетаризированной массе «народа», все более пропитывалась мелкобуржуазными взглядами и в эпоху общественной реакции все более подпадала под влияние буржуазного либерализма. Под флагом «традиций 70-х годов» эта интеллигенция к 90-м годам сохранила чисто-буржуазную программу крошечных социальных реформ для «спасения» кустаря и крестьянина от впадения в пролетариат, т. е., в сущности, от присоединения к классовой борьбе пролетариата. По мере того как эта классовая борьба росла и крепла, демократическая интеллигенция вынуждалась занять определенное положение на стороне того или другого класса, — и революционная ее часть усваивала идеи научного социализма, а неревolutionная масса навсегда прощалась с социализмом, плетясь во хвосте либеральной буржуазии с ее платоническими вздохами о конституции и с ее верой в социальное чудо грошовых реформ.

И в то время как почтенные «хранители заветов Желябовых и Перовских», болтая о терроре и ворча по поводу «узости» и «черствости» соц.-демократической программы, тихо-смирно сидели по провинциальным углам, ограничивая свою «политическую» деятельность содействием всяким «культурным начинаниям» либеральных пенкоснимателей, в то время как в унисон с либералами они хныкали по поводу «безыдейности молодого поколения», — это самое молодое поколение делало единственно-революционное дело, шло «в народ», в фабричную среду и — часто неумело, часто примитивно-кустарными способами, без какого бы то ни было опыта, без знания об опыте своих предшественников — неуклонно все же сеяло в широких массах пролетариата жажду борьбы с современной действительностью и возбуждало в них стремление к классовой организации. Тысячи рабочих и интеллигентов должны были наполнить собою тюрьмы и места ссылки, чтобы вырвать страну из того состояния безнадежного уныния и политической придаленности, в котором мы, русские соц.-демократы, получили ее в наследство от наших политических предшественников.

Таким образом, когда под влиянием той же классовой борьбы русского пролетариата радикально изменилась вся атмосфера нашей общественной жизни, когда революционное брожение, созданное этой борьбой, стало выдвигать на политическую арену новые и новые общественные

слои, — к этому времени в русской интеллигенции сложилась довольно прочная идейная традиция пролетарского социализма, и всякий шаг по пути образования новых партий, которые выразили бы интересы непролетарских классов, мог совершаться только за счет этой традиции, только путем вытравления ее из сознания революционно-настроенных элементов.

Открытому политическому выступлению новых общественных сил всегда предшествует чисто-идейная борьба, расчищающая им дорогу. Отраженное влияние пролетарского движения на массу демократии и на либеральную буржуазию проявлялось еще только в первом общестуденческом движении зимы 1898—1899 годов и в оживлении оппозиционного течения в земствах, когда в «передовой» нашей литературе начался открытый поход против пролетарского социализма под знаменем «критики марксизма» или бернштейнианства.

Появление этой новой струи не означало, — как казалось ее апостолам, — что мысль русского интеллигента переросла «узкие» рамки удовлетворившего ее на время пролетарского учения. Этот факт означал только, что под влиянием освежающей струи, внесенной в русскую жизнь борьбой пролетариата, политическое брожение охватило настолько широкие общественные слои, что создалась уже почва для нового оживления буржуазных и мелкобуржуазных программ, что буржуазный либерализм и мелкобуржуазная демократия могла уже пытаться отколоться в самостоятельные политические партии.

Против партии пролетариата крупная и мелкая, эксплуататорская капиталистическое развитие и угнетенная им, буржуазия связана общей солидарностью интересов и мущих против интересов неимущих. Против революционной в истинном смысле слова программы соц.-демократов солидарно выступили идеологические представители русского либерализма и русского демократизма. «Критика» объединила русских «бернштейнианцев» лагеря Струве с народниками «Русского Богатства». Исторической задачей «критического» похода против пролетарской «догмы» было отнять у пролетариата часть примкнувших к нему демократических элементов («интеллигенции»). Из этой добычи вербуют себе ныне последователей наши либеральная и «соц.-революционная» партии. И по мере того, как они становятся на собственные ноги, они должны все более энергично подчеркивать те своеобразные положения своих программ, которые вырывают непроходимую пропасть между ними и партией пролетариата. Пока еще они прикрывают эти свои шаги умильными речами об общности ближайших задач и т. п.; завтра, когда они почувствуют себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой целью уничтожить социал-демократию, как самостоятельную партию русского пролетариата, — завтра они отбросят эти речи и поведут с нами войну «по-настоящему». Ибо существование такой партии не в интересах тех классов, интересы которых выражают эти партии *.

* Это не значит, чтобы либералы или соц.-революционеры были заинтересованы в уничтожении рабочего движения. И та и другая партия понимают, что в их собственных интересах его усиление. Они лишь заинтересованы в том, чтобы пролетариат не выделялся в особую политическую партию с своей классовой программой.

Мы не должны дожидаться этого завтрашнего дня, чтобы начать борьбу против тех идей упомянутых партий, которые являются или могут явиться факторами, подтачивающими силу классового движения пролетариата. Для развития этого классового движения пролетариата необходимо постоянное развитие его самосознания. А дело развития классового самосознания пролетариата требует критического отношения ко всем и всяким общественным программам, из каких бы классов таковые ни выходили; оно требует со стороны политических представителей пролетариата деятельного вмешательства в процесс выработки циркулирующих в прогрессивной части общества политических идей, дабы ни одна живая революционная сила не была поглощена нереволлюционным по существу движением, дабы ни одна частица собственных сил пролетариата не была отвлечена в сторону преследования бессмысленных или реакционных задач.

В этом — оправдание той борьбы за чистоту «догмы», которая так часто ставится в упрек нам, революционным соц.-демократам. В этом — оправдание нашей «принципиальной неуживчивости» и нашей столь многим нелюбезной склонности к «теоретизированию» в «наше время, когда»... когда все непролетарские партии так кровно заинтересованы в том, чтобы живые силы русской революции бросились вырывать у царизма политическую свободу, не имея ни собственного «плана» политической борьбы, ни собственной активно-защищаемой политической программы. Мы не только не перестанем «теоретизировать», но мы усиленно будем звать к «теории» все живые силы революции, напоминая им, что цельное социально-политическое мировоззрение есть тот цемент, которым активные силы угнетенного общественного класса сплавляются в политическую партию.

Все жалуются, что «людей много, и в то же время людей нет», что развитию революционного брожения вширь не соответствует рост умелых руководителей движения; что стихийно прорывающиеся вспышки пролетарской борьбы остаются неиспользованными для целей агитации и политической организации. Но нужные русскому пролетариату агитаторские и организаторские силы не могут в достаточном количестве выработаться на одной практике нашей «будничной» работы, так безжалостно втиснутой проклятым абсолютизмом в рамки почти сектантской кружковщины. Эта практика должна дополняться не только возможно частым выступлением революционных организаций на арену открытой общественной борьбы, но и постоянным развитием политической жизни в наших тайных организациях, во всех группах и кружках, составляющих нашу партию и тяготеющих к ней. Учить других и самим учиться политической науке, т. е. науке разбираться в выдвигаемых общественным движением политических и социальных вопросах, — это такое дело соц.-демократа, которое он не может запустить ни для каких «практических» задач, иначе он нанесет ущерб этим самым практическим задачам. И той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несет на себе главное бремя нашей революционной работы, мы не устанем повторять: вопреки всем стихиям, вопреки всем — хорошо нам известным — трудностям вашей практической работы, отвоевывайте себе время и силы для выработки того главного орудия, без которого вы бессильны будете служить своему знамени, — оружия революционного мировоззрения,

революционной программы. Помните, что в момент, когда будет происходить ликвидация теперешнего, в сущности подготовительного, периода нашего движения, когда на раскрытой классовой борьбе между враждебными социальными силами, — что в этот момент будет поздно искать ответа на вопросы, которые задаст пролетариату жизнь, — будет время без остатка отдать свои силы на борьбу за ответы, уже найденные.

[Л. Мартов]

ЗНАКОМЫЕ РЕЧИ.

Кто читает «Освобождение», тот помнит, вероятно, в № 7 этого журнала статью земского гласного г. Т., озаглавленную «Мирная оппозиция или революционная борьба?» В каждом революционере эта статья неизбежно вызывает пожелание: вот кабы побольше было земцев, думающих и чувствующих, как г. Т., так ярко отличающийся от трезвенных и осмотрительных земских голосов, обыкновенно раздающихся в «Освобождении». В № 12 этого журнала один из таких голосов — самый осмотрительный — делает г. Т. «серьезные» (по его собственному убеждению) возражения. Странное впечатление производит эта статья («Голос из земства» за подписью «Гласный») при первом беглом просмотре: впечатление чего-то давным-давно знакомого чуть не наизусть, чего-то чрезвычайно типичного и в то же время несерьезного. Если попытаться всмотреться в это впечатление, то в голове начинает мелькать целый ряд как литературных, так и личных воспоминаний, от «Либерала на rendez-vous» Чернышевского, различных мест из Щедрина, множества второстепенных лиц из различных романов и повестей, до подлинных речей солидных и осмотрительных, чуть-чуть либеральных практиков, читающих обиженно-кислым тоном не то нотацию своему несолидному, обыкновенно младшему по возрасту слушателю, не то панегирик своим собственным достоинствам, в признании которых заподозрен собеседник. Эти речи типичны вовсе не для одних земцев. Другим слогом, с другими данными, но с тем же духом их можно услышать во всякой другой «просвещенной» среде. Но как ни часто слышатся эти речи, всерьез их обыкновенно не принимают. В литературе они никогда не вкладываются в уста положительных типов. В качестве положительных речей они не годятся ни для верноподданнической, ни для оппозиционной печати. Для первой они недостаточно реакционны, для второй слишком консервативны. Они «не холодны и не горячи», и поэтому всякое хоть чуть-чуть определенное направление не может не «изблевать» их, как это и в священном писании сказано. Но по своей распространенности они все же представляют собою некоторую бессильную силу, ослабляющую, как сырость в воздухе, силу «пожара», о котором говорит г. Т. Прислушаемся же к одной из таких речей, раздающейся на этот раз с необычной для них трибуны свободного органа, редактор которого рекомендует ее в качестве статьи, «обильной меткими замечаниями».

Приступая к возражению, автор «Голоса из земства» прежде всего поднимает одно личное замечание г. Т. Указывая своим земским коллегам на все громадное значение начинающегося в России революционного «по-

жара», под действием которого «оппозиционные убеждения превращаются в неудержимую потребность действовать», г. Т. замечает, что и его собственное «политическое воспитание» завершилось под впечатлением демонстраций. Автор статьи «Голос из земства» спешит, в виде возражения, сообщить данные о своем собственном политическом воспитании. Ему для завершения курса этого воспитания никаких демонстраций не понадобилось, а было «вполне достаточно прочно сложившегося убеждения в совершенной несовместимости самодержавного строя с современными потребностями русского общества». Только такое убеждение, поучает он, и «может создать ту ганнибаловскую ненависть, при которой единственно возможна долгая и упорная борьба».

Зато при ненависти борьба, очевидно, возможна и вдобавок более долгая и упорная, чем у тех, которые получили менее солидное воспитание? Ничуть не бывало! Это так только вступление («мы, молодой человек, не так воспитывались, мы это лучше вас знаем» и проч.), а борьба, по мнению автора «Голоса из земства», совершенно невозможна, если не называть борьбой прошения. В опровержение слов г. Т., что «конституции не выпрашивают, а берут», он снова ссылается на собственный опыт земского гласного, пережившего все земские «реформы Александра III»¹ и ни разу не видевшего возможности бороться чем-либо иным, кроме прошений. Но ведь реформы были произведены полностью и, повидимому, из собственного опыта г. «Гласного» следует, что при отсутствии революционного пожара нельзя «выпробовать» простой остановки «реформ», не говоря уже о новых поблажках. Но читатель сильно ошибется, если вообразит, что тот же вывод сделал и г. «Гласный». Пригласив г. Т. «смотреть на положение вещей спокойно» и «подсчитать силы», он неожиданно объявляет, что «ходатайствами достигнуто уже многое». А именно? «Неведение» медицинского устава и неприменение наказа Боголепова служат «блестящим доказательством» плодотворности ходатайств. Земство и впредь не должно сворачивать с пути, на котором уже достигнуты такие результаты. Г. «Гласный» желал бы только, чтобы земские ходатайства, «не изменяя своей традиционной форме», продолжая приурочиваться «к потребностям данного района, уезда или губернии», становились более категорическими по существу и подавались единодушнее. Другой роли для земства, по убеждению г. «Гласного», «быть не может».

И г. Т., страстно призывая земских деятелей принять участие в освободительной борьбе, допускает мысль, что они останутся при своей традиции и выйдут сказать свое «веское слово» лишь после крушения старого политического строя. «Но вряд ли такая роль птиц небесных, собирающих там, где не сеяли, — говорит он, — принесет много гражданской чести представителям земли». Нравственной силы и красоты в таком поведении он не видит.

Вот эти-то заключительные слова статьи г. Т. и вызвали, повидимому, к жизни всю статью г. «Гласного». В его глазах та роль мирных тружеников в немирное время, которая так возмущает г. Т., является самой почетной и достойной гг. земцев. Кем и как будет произведен в России государственный переворот, это, думает г. «Гласный», еще неизвестно, земство же уже и теперь

своей прошлой и настоящей деятельностью «завоевало себе почетное место... в деле политического освобождения России». А в будущем, когда переворот совершится, именно от земцев, воспитанных в «школах парламентаризма» (как называет реакционная печать земские собрания), «можно всего больше... ожидать необходимой осмотрительности и умения при введении в жизнь нового политического строя... А что касается красоты и силы... их не меньше в мало заметной тяжелой и суровой работе земского труженика, чем в яркой роли политического мученика».

Странное противопоставление. «Мученичество» — не роль, а личные последствия не мирного труда, как бывают последствия — приятные или неприятные — и у мирного труженичества: заработанный достаток или приобретенная в трудах болезнь. Во всяком случае активная «роль» в политических преследованиях принадлежит не «мученику», а правительству, которое часто мучает людей, не успевших сделать ему никакого зла, и не может поймать (правда, реже) и замучить своих активных врагов. Роль мирного земского труженика может быть законным образом противопоставлена лишь роли труженика не мирного — борца, воина. Какая же роль в момент борьбы красивее для людей, «убежденных в несовместимости самодержавия с потребностями России»? Требуется ли такое убеждение присоединения к борьбе (причем для публичного выражения своего убеждения земцам нет необходимости выходить на улицу, как иронизирует г. «Гласный»: у них есть для этого более удобная арена) или совместимо с мирным продолжением в военное время традиционного труженичества под сенью самодержавия? В какой роли больше нравственной красоты и силы? Дело вкуса, а вкус всецело обуславливается положением в борьбе, отношением к этой борьбе того, кто оценивает.

Как ни узка сфера земского труженичества, всякий признает, что луженые рукомытники все же лучше не луженых. Само по себе, безотносительно к борьбе, это труженичество так же почетно и необходимо, как и заводская работа тружеников, выделяющих рукомытники, как чтение и слушание лекций, приготовляющих докторов для земских больниц. В обычное время всякий добрый человек может только пожелать успеха всем этим трудам. Но началась борьба, и оценка сразу меняется. Труженики из числа студентов, продолжающие слушать лекции во время забастовки, профессора, продолжающие читать их, тотчас же приобретают симпатии правительства и живейшее отвращение как протестующих студентов, так и сочувствующей им публики. То же с рабочими, желающими трудиться, когда их товарищи вступили в борьбу, — этих иногда бьют. И это вовсе не такого рода «нетерпимость», которой могло бы и не быть. Как ни солидна земская среда, но и она не застрахована от этих чувств, хотя здесь они выразились бы, конечно, дипломатичнее. Если бы из людей, как г. Т., завершивших свое политическое воспитание в атмосфере современной борьбы, и из таких стариков, которым политическая атмосфера их молодости помогла понять всю громадную важность теперешнего момента, образовалась партия борьбы, восьмидесятники же, вступившие в жизнь в момент общественной реакции и не видевшие ничего выше «малых дел» и холодного «подсчета сил» (в ко-

тором пропущена сила революционного под'ема, «вызывающего неудержимую потребность действовать»), решили остаться при своих малых делах и большой осмотрительности, то и в земской среде неизбежно произошло бы самое резкое расхождение во взаимной оценке общественного поведения обеих партий и распространилось бы на всю окружающую среду. Правительство сразу поняло бы всю «красоту и силу» земского «труженичества», сравнив его с безобразием борьбы, вся же освобождающаяся Россия произвела бы диаметрально-противоположную оценку. А если бы все земство, — чего, мы надеемся, не случится, — воспользовалось бы совершающейся вне его революционной борьбой лишь для того, чтобы выпросить неприменения кое-каких частных мероприятий, прибегая к моменту «введения в жизнь нового политического строя», то весьма возможно, что тогда-то именно вся накопленная им осмотрительность и осталась бы без применения. Чтобы направлять в такое время жизнь только что освободившейся страны, нужны симпатии населения, необходимо его доверие. А земцы стали бы к волнующейся стране в то же положение, в какое становится слишком осмотрительный студент к своим неосмотрительным товарищам, и возбудили бы того же рода чувства. Таким образом, их великая осмотрительность оказалась бы в конце концов неосмотрительной.

А редакция «Освобождения»? Напечатав в № 7 статью г. Т. и похвалив его за страстность и искренность, она прибавляет, что «на многое смотрит иначе, чем автор статьи», и обещается вернуться к затронутым им вопросам в следующем номере. Ни в одном из последующих номеров до самого 12-го о статье г. Т. речи не было. Зато в № 11 «Освобождения», предложив либеральным элементам русского общества взять лозунгом борьбы созвание Земского Собора, г. Струве утверждает, что когда (г. Струве пишет: «если») правительство ответит на это требование отказом и насилием, то «боевой клич: „долгой самодержавие!“ неизбежно и окончательно станет всеобщим лозунгом национального освобождения». Именно этого присоединения либеральных элементов к революционному лозунгу требовал прежде всего и г. Т. Но вот в 12 № появляется, без всяких оговорок о несогласии и с рекомендацией редакции, ворчливый ответ г. «Гласного», и в полной гармонии с ним в редакционной статье программа борьбы вдруг заменяется старомужичьей мечтой сказать царю правду. Она так проста и потрясающа, мечтает редактор «Освобождения», что «не понять ее огромного и ужасного смысла мог бы только Павел I».

А вот не понял же автор статьи «Голос из земства» всего огромного значения современного момента, не умеет же отличить его от царствования Александра III и не хочет расстаться со старой традицией. На каком же основании можно ждать от Николая II большей понятливости и меньшей преданности традициям, чем от г. «Гласного», который читает «Освобождение» и с Павлом I не имеет ровно ничего общего?

[В. Засулич]

МОСКОВСКИЕ ЗУБАТОВЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ.

В «Московских Ведомостях» (№ 345, от 15 декабря 1902 г.) помещено «Письмо к издателю» рабочего Ф. А. Слепова, которое мы перепечатываем целиком ниже. Во-первых, нам хочется поощрить нашего почтеннейшего «собрата по перу», г. редактора «М. Вед.» Грингмута, поместившего столь интересный документ. А в поощрении г. Грингмут, несомненно, нуждается, ибо его высокополезная деятельность по доставлению (и освещению) материала для революционной агитации за последнее время как-то ослабела, потускнела... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Во-вторых, петербургским рабочим в высшей степени важно теперь следить за каждым шагом зубатовщины, регулярнее собирать, шире распространять и обстоятельнее разъяснять всем и каждому сведения о том, как обнявшиеся с шпионами рабочие беседуют с бывшими, настоящими и будущими генералами, великосветскими дамами и «истинно-русскими» интеллигентами.

Вот это письмо, которое мы снабжаем некоторыми примечаниями в скобках:

«М. Г. Не найдете ли вы возможным напечатать в уважаемых истинно-Русскими людьми „Моск. Ведомостях“ следующее:

10 числа текущего месяца в Петербурге, в помещении «Рус. Собрания», происходило заседание членов Совета названного «Русского Собрания», посвященное исключительно вопросам, касающимся быта русских заводско-фабричных рабочих. — Из наиболее видных представителей петербургского общества были следующие лица: бывший помощник варшавского генерал-губернатора генерал К. В. Комаров, генерал-контролер А. В. Васильев, полковник А. П. Веретенников, граф Апраксин, бывший киевский генерал-губернатор, граф А. П. Игнатьев, граф П. А. Голенищев-Кутузов, генерал Забудский, адмирал Назимов, Николай Вячеславович фон-Плеве, член Совета при Министерстве Народного Просвещения И. П. Хрущов, профессор Генерального Штаба Золотарев, В. С. Кривенко, граф Н. Ф. Гейден, ген. Демьяненко, протоиерей Орнацкий и др. представители церкви; были также дамы великосветского петербургского общества, а также из городского управления — городской голова Лелянов и гласный Дехтерев. Из представителей печати — В. В. Комаров, редактор «Света», В. А. Величко, редактор «Русского Вестника», Сыромятников, сотрудник «Нового Времени», К. К. Случевский, бывший редактор «Правительственного Вестника», Лейкин, редактор-издатель журнала «Осколки», художник Каразин и др. — Заседание открылось чтением доклада о положении рабочих заводско-фабричной промышленности, каковой был прочитан рабочим И. С. Соколовым. (См. о нем в № 30 «Искры», где дан, со слов «Света», более полный список петербургских рабочих-зубатовцев. Ред.) Докладчик главным образом выяснил современное состояние рабочего класса в промышленных городах, их нужды материальные и духовные, их стремления к знанию и т. д. (Жаль, что не напечатан доклад г. Соколова! Интересно бы посмотреть, как он мог «выяснить» стремление рабочих к знанию, не говоря о полицейской травле этого стремления. Ред.) Затем представители рабочих Москвы (не

Охранного Отделения? Не на полицейские ли денежки и съездили вы с вашими товарищами в Питер, г. Слепов? Ред.), в числе которых был и я, также имели честь присутствовать на заседании «Русского Собрания» и докладывать почтенному собранию о положении дел в рабочем мире Москвы. В своем докладе мы прежде всего выразили глубокую благодарность от имени русских рабочих членам «Русского Собрания» за то, что они допустили их представителей выяснить то состояние, в котором находится в настоящее время рабочий класс в России. Далее мы просили представителей высшего русского общества обратить серьезное внимание на образование русских рабочих (ну, конечно! Именно от высших классов надо ждать рабочему образованию — посредством нагайки, вероятно! Ред.), находящееся далеко не в удовлетворительном виде, чем с успехом пользуются злонамеренные личности для проведения социалистической пропаганды (если социалистам выгоден недостаток образования, то почему же это правительство закрывает школы для рабочих и закрывает читальни? что-то тут не так, г. Слепов! Ред.), нанося этим вред не только рабочим, но и всему Государству Русскому. — Затем мы старались обратить внимание почтенного собрания на несочувствие московских фабрикантов и заводчиков к идее рабочих Москвы объединиться в тесную семью для учреждения своих касс взаимопомощи, столь важных для избавления от гнетущей их нужды. В связи с этим мы просили членов почтенного собрания возбудить в правительственных сферах вопрос о кредите для рабочих касс взаимопомощи (см. речь нижегородского рабочего Самылина на суде, в № 29 «Искры», о том, как его арестовали за участие в экономическом кружке. Вот вам и образование, вот вам и кассы! Ред.). Несомненно, что поддержка в материальных нуждах рабочих составила бы лучшее опровержение злонамеренной пропаганды в их среде (неужели г. Слепов — и попала же такая удачная фамилия! — серьезно думает, что сознательный рабочий из-за жалких подачек откажется от стремления к свободе? А несознательную, темную массу «поддержать в материальных нуждах» не в силах даже самые высокопоставленные покровители зубатовцев, ибо для такой поддержки надо сначала изменить весь общественный строй, покоящийся на обездолении масс. Ред.). — Эти фальшивые «доброжелатели» рабочих говорят обыкновенно, что жизнь улучшить они могут только посредством бунтов, возмущений, сопротивления власти и т. п. К несчастью нашему, такое подстрекательство имеет иногда успех, как все знают. Мирное улучшение быта рабочих лучше всего опровергает агитаторов. — Затем мы имели честь докладывать почтенному собранию, что в Москве, несмотря на сильнейшую безработицу, социалистическая пропаганда за последнее время потеряла всякий успех (а мы недавно только слышали о громадных арестах в Москве! К чему бы было и кого бы было арестовывать, если бы пропаганда теряла успех?? Ред.) именно потому, что рабочие начинают уже организовываться, имея у себя Общество взаимного вспомоществования, Общество потребителей, и потому, что сочувственное внимание власти обращено уже на нужды рабочих, дав возможность устроить для них общеобразовательные чтения и т. п. Кроме всего вышесказанного, мы докладывали также собранию о случаях, бывших

в Москве, где мы фигурировали в качестве посредников-примирителей рабочих с заводчиками и не только устранили, но и предупреждали могущие вспыхнуть беспорядки; так, напр., было на заводе Гакенталь, на заводе бр. Бромлей, на заводе Добров-Набгольц. Мы упомянули также о стачке рабочих металлургического завода Гужон, где рабочие прокатного и гвоздильного отделений хотя прекратили работы, но только благодаря нашему вмешательству не дошли до беспорядков, и рабочие стали на работу, послушав наших товарищеских советов (таких «товарищеских» советов довольно уже слушают рабочие при каждой стачке и от полиции, и от фабричных инспекторов, которые всегда упрашивают «стать на работу». Это не товарищеские, а полицейские советы. Ред.).

«Члены „Русского Собрания“ выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочих, помогающих полиции в ее деле! Ред.) наши доклады и многие высказались в том смысле, что надо серьезно задуматься над вопросом о рабочих и дать рабочим возможность и способы выбиться из-под влияния социалистического учения (интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистического учения! — а кстати также и помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку. Ред.), допустив их самостоятельность, под контролем правительственных узаконений и под руководством той части интеллигенции, которая истинно любит свою родину и стремится к благу и процветанию ее (хороша самостоятельность под контролем полиции! Нет, рабочие уже требуют теперь самостоятельности при условии свободы от полиции, свободы выбора в руководители таких интеллигентов, которым они, рабочие, доверяют. Ред.)—В. В. Комаров, А. В. Васильев, полковник Веретенников, г. Дегтярев, художник Каразин, князь Д. П. Голицин и многие другие чрезвычайно тепло отнеслись к вопросу о рабочих. Были высказаны мысли о необходимости учреждения особых советов от рабочих с центральным во главе, роль которых была бы благотворною в смысле предупреждения возникающих недоразумений между рабочими и заводчиками. По выражению г. Дегтярева, это следует допустить потому, что толпа никогда не может действовать сознательно, и что повлиять на толпу рабоч. могут лучше всего сами рабочие, приведя для примера существующие во Франции такого рода учреждения, с успехом выполняющие вышеуказанные задачи. (Да, советы от рабочих имеют успех во Франции и во всей Европе. Это правда. Но они имеют успех потому, что рабочие пользуются там политической свободой, имеют свои союзы, свои газеты, своих выборных в парламентах. Неужели г. Дегтярев думает, что петербургские рабочие все так наивны, чтобы не знать об этом? Ред.). Вопрос о правительственном кредите кассам взаимопомощи раб. также был встречен сочувственно членами «Русского Собрания». Заседание закончилось тем, что постановлено было избрать особую комиссию для обсуждения мер по данному вопросу. — Мы надеемся, что вы, г. редактор, как истинно-Русский человек, отнесетесь также сочувственно к нам, рабочим, и позволите сообщить в газете вашей вышеприведенное, дабы лучшие наши люди соединились все для совмест-

ной борьбы с врагами нашей родины, вносящими в народные массы смуты, сеющими семена междоусобиц и ослабляющими преданность к заветам старины, освященным веками, уважение и благоговение пред верховной Властью. — Мы твердо верим, что есть и на Руси люди, готовые посвятить свои силы на служение отчизне, положить на алтарь ее свои силы и способности и, дружно сплотившись, поставить непреодолимую преграду неправде и злу на Руси.

Рабочий Ф. А. Слепов».

А в конце не мог не проговориться г. Слепов! Вся поддержка рабочих нужд, все сочувствие со стороны правительства свелось к одному: из рабочих же образовывать группы для борьбы с социализмом. Вот это правда. И рабочим очень интересно будет узнать, что кроме нагаек и тюрем, ссылки и тюрем в них будут еще внедрять «уважение и благоговение пред Верховной Властью» гг. зубатовские рабочие. На открытых собраниях ни один разумный рабочий не станет говорить то, что он думает, — это значило бы прямо отдаваться в руки полиции. А посредством своих газет, своих листков и своих собраний мы можем и должны добиться того, что новый зубатовский поход весь пойдет на пользу социализму.

[Н. Ленин]

ОПЕКАЕМОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

Всероссийский студенческий съезд 1902 г. нашел, как известно, желательным, чтобы студенческие организационные комитеты «состояли в сношениях с местными комитетами Росс. С.-Д. Раб. Партии». В настоящее время Киевский Союзный Совет об'ед. земл. и орган. и Орган. Ком. Киевского Полит. института выступают против резолюций съезда с «Открытым письмом». Своему протесту авторы его придают почему-то дипломатически-замаскированную форму, заявляя, что они не думают «вторгаться в сферу компетенции съезда» и предлагают лишь «более широкое толкование» одного из параграфов Манифеста Всероссийского студенческого съезда. «Студенчество, как таковое, — говорят авторы «Откр. письма», — не может примыкать всецело ни к партии соц.-рев. ни к соц.-дем. Студенчество, как таковое, представляет из себя источник, из которого вербуют себе членов как обе указанные партии, так и другие революционные организации и группы. В силу этого студенчество не может отдавать предпочтение той или иной революционной фракции». Мы не можем согласиться с мотивировкой авторов «Откр. письма». Предлагая студенческим организационным комитетам вступать в сношения с соц.-дем. комитетами, съезд, разумеется, не обязывал революционное студенчество принимать всю программу соц.-демократии. Соответствующая резолюция имела в виду сближение с партией, но не вступление в партию. «Студенчество, как таковое», т. е. как коллективный автор университетских беспорядков, демонстраций и политических резолюций, имеет свою физиономию, независимую от взглядов тех или иных входящих в его состав студентов. Эта физиономия — демократическая. На почве революционно-демократических требований «студенчества, как такового» (только от его имени и мог говорить съезд, не посягавший, разумеется,

на убеждения отдельных студентов-революционеров), возможен и желателен его союз с революционным пролетариатом. В виду того, что между соц.-дем и соц.-рев. существует так наз. «междофракционная» (в сущности, гораздо более глубокая) борьба, перед демократическим студенчеством стоит задача политически разумного выбора, — а поскольку преобладающую роль в рабочем движении играет соц.-демократия в лице своих местных комитетов, резолюция с'езда является политически - целесообразным актом. Вопрос однако поставлен жизнью не так. Лучшая часть студенчества уже не удерживается на чисто-политической почве февральских «резолюций» этого года и проявляет все усиливающиеся тяготения в сторону социализма. Мы можем лишь приветствовать это течение, и если оно связано с расколом, — мы приветствуем раскол!

Суеверный страх перед «разделением», хотя бы это разделение было глубоко-прогрессивно по существу, мы предоставляем соц.-револ. Там он на своем месте.

«Рев. Росс.» (№ 13), верная своим «соц.-рев.» методам — погребения реальных противоречий под мавзолеями «объединительных» фраз, и на этот раз, вместо того чтобы углубиться в вопрос, отделяется общими добродетельными местами и неустанно

«Льет примирительный елей...»

Газета «с удовольствием» (еще бы!) печатает «Открытое письмо» организованного киевского студенчества и выражает уверенность, что «студенты других городов вполне согласятся с киевлянами, что не следует вводить в студенчество междофракционной борьбы, столь вредной для успеха революционно - социалистического дела».

«Рев. Росс.», как видим, говорит о студенчестве не только как о революционно - демократической молодежи, но как об отряде, ведущем революционно - социалистическую (не просто демократическую) борьбу. Что же может рекомендовать «Рев. Росс.» этому студенчеству, стоящему перед фактом «междофракционной» борьбы соц.-дем. и соц.-рев.? Создать «для успеха револ. - социалистического дела» какую-нибудь «объединенную организацию» студентов соц. - рев. и студентов соц. - дем., рядом с уже существующими и борющимися партиями? Или заранее отказаться от углубления в смысл фракционных разногласий, а значит и от социалистической работы, ибо последняя предполагает выбор партий, а след., и раскол, «столь вредный для успехов» примирительской политики мелкобуржуазных революционеров. Итак — назад? Но ведь и та чисто-«политическая» борьба студенчества, которая выразилась в февральских «резолюциях», повела к расколу между академиками и политиками... В среде самих «политиков» рядом с демократическим большинством могут оказаться студенты, тяготеющие, под влиянием «отцов-умеренных», в сторону ценового либерализма, представленного г-ном Струве. Не отойти ли, во избежание раскола, назад и от политики?

Правда, «Рев. Росс.» ограничивает почему-то вред раскола лишь «революционно - социалистическим» студенчеством. Но неужели же достаточно назвать глубокие и все углубляющиеся разногласия между соц.-дем. и соц.-рев. «междофракционной» борьбой, чтобы утратил в глазах мыслящей части студенчества весь смысл

тот факт, что одна из «фракций» (чего?) считает авантюристскую тактику другой «фракции» «вредной для успехов революционно - социалистического дела?» Не пора ли, г-да соц.-рев., бросить эту негодную тактику недомолвок, этот язык «огорченности», эту дипломатию... страуса!

А членам Союзного Совета, от которых, конечно, нельзя требовать большей политической опытности, мы скажем так.

В области политики добрая ссора нередко выгоднее худого мира. Политические союзы опираются на отчетливо сознannую общность интересов, а не на затуманивание противоречий в задачах и методах борьбы.

3 ноября, т. е. через три недели после издания «Открытого письма», Киевский Союзный Совет выпустил прокламацию в память Балмашева, в которой засвидетельствовал свое тяготение к партии соц.-рев. Этот факт бросает отраженный свет и на самое «Открытое письмо». Оно представляет собою не распространенное «толкование» резолюции общестуденческого с'езда (какая наивная «примирительская» софистика!), а категорический протест против стремления этого с'езда связать борьбу студентов с борьбой соц.-демократии. Насильно мил не будешь! — можем мы сказать Киевскому Союзному Совету, — но негоже прикрывать свои истинные симпатии и антипатии салонными, а не политическими речами о том, что «стudenчество не может отдавать предпочтение той или иной революционной фракции». Не может? Оно должно! Если только, конечно, оно не соглашается оставаться в приготовительном классе школы революционного развития...

Оно должно, — а соц.-дем. остается только пожелать, чтобы академическая молодежь серьезно относилась к вопросам революционной теории, которую теперь в моде третировать как каналью. Знакомство с царством социалистической мысли несомненно убедит, что вне марксизма, как боевой теории пролетариата, возможны революционные фразы, в лучшем случае — революционное настроение, но невозможно научное революционное мышление. Академическая молодежь могла снова удостовериться в этом на примере русских «критиков» революционного марксизма, которые крайне ускоренным темпом прошли, казалось бы, немалый путь от социализма до благоумеренного либерализма (г. Струве) или даже до христианской теософии (г. Булгаков). Можно с уверенностью сказать, что своеобразный теоретический «нигилизм» некоторых революционных групп скомпрометирует себя своею беспринципностью так же неоспоримо, как и «критическое» неистовство — своим оппортунизмом и идейной реакционностью. И тогда обновленный в идейной борьбе научный социализм снова безраздельно овладеет умами мыслящей академической молодежи, как это было в начале 90-х годов, когда марксизм эмансипировал прогрессивную общественную мысль от пережитков народничества.

Вступление «академика» в ряды соц.-демократии налагает на него серьезные теоретические обязательства. Марксизм не схватывается на-лету. Он требует углубления и углубления. Он требует, далее, строго - критического отношения ко всяким якобы - «критическим» посягательствам разложить революционную доктрину пролетариата привнесением в нее некритических элементов буржуазной

идеологии. В работе очищения, охранения и развития пролетарского социалистического учения революционеры-академики всегда найдут себе место, и революционный пролетариат всегда скажет им: «Добро пожаловать!»

[Н. Троцкий]

ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА.

(По личным воспоминаниям.)

Был поздний вечер накануне Нового года. Сквозь узкие щелочки форточки струился в мою камеру влажный зимний воздух. Пламя свечи колебалось и тускло освещало железный столик, привинченный к стене, густо испещренный надписями. Тут были и фамилии с указанием времени ареста, и революционные стихи, и прощание с тюрьмой, и привет и пожелание бодрости будущим узникам. Углы камеры утопали во мраке. Было тихо, ровно ни звука. Прислушаешься к этому жуткому безмолвию, и тогда в ушах переливается тихий мелодичный звон, как будто мириады легких, прозрачных крылышек невидимо трепещут в воздухе. Изредка доносился из-за стены глухой кашель уголовного арестанта и гулко отдавался под тюремными сводами. Хлопнет где-нибудь форточка, и снова все тихо. Быстро и нервно зашагал кто-то наверху в дальней камере — взад и вперед, взад и вперед...

Я сидела на маленькой железной скамеечке, тоже привинченной к стене, перед раскрытой тетрадкой с пером в руке и собиралась поведать дневнику свои думы под Новый год. Предо мной пронеслись ряд последних лет, другие встречи Нового года — сначала в кругу семьи среди веселого смеха, шуток и шалостей братьев и сестер, позднее в кругу друзей и товарищей. Оживленные лица, горячие споры, бодрые речи и пение. Позднее ночью расходятся товарищи, унося с вечеринки каждый частицу новых надежд и новой энергии на борьбу за дорогое заветное дело. Расходятся осторожно, по-двое, по-трое, чтобы не привлечь слишком рано внимания ночных церберов и юрких шпионов. И теперь, наверно, дружной семьей собираются на какой-нибудь конспиративной квартире, делают подсчет недавно павшим товарищам...

Громкий, частый стук в стену прервал мои мысли. Пауза и правильные удары выстукивали мое имя. Я поднялась и села в углу у противоположной стенки, так как стучали из нижней, наискось лежащей от меня камеры. Несколькими частыми ударами я дала знать, что слушаю. — Решено встречать Новый год всем вместе, — стучала соседка. Мудрено что-то. Слушаю дальше. — Условились, как только пробьет двенадцать, запеть «Марсельезу». Согласна ли ты? — Еще бы!

— Конечно, согласна! — взволнованно простучала я. Соседка длинной чертой по стене дала знать, что разговор кончен, и я быстро, взволнованно забежала по камере. Так вот как мы Новый год-то встречать будем. Славно придумали! Только удастся ли? Трудно ведь петь всем вместе, когда не видишь один другого. И чем все это кончится? Я ясно представила себе недоумение, злобу, ужас тощей, сухой надзирательницы, когда она, дремля

внизу в коридоре на своем посту, услышит вдруг среди ночной тишины пение из всех камер. А завтра день свиданий. Не только нам принесут новости, но и мы будем иметь что рассказать.

Я долго ходила еще взад и вперед, устала, присела, снова задумалась. Вдруг среди гробовой тишины раздался бой коридорных часов. Я вздрогнула, встала и, вобрав в себя воздух, пыталась затянуть знакомую песню. Но дыхание сперлось, и из горла — ни звука. Холодный пот крупными каплями выступил у меня на лбу, сердце страшно колотится. Часы между тем продолжают бить громко, протяжно... И вместе с боем часов донесся до меня чей-то голос — робкий, неуверенный. За ним другой, третий, еще и еще, сверху, снизу, со всех сторон; я подхватила, пение становилось все дружнее, ровнее, громче:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог!

торжественно и дерзко раздавалось под мрачными сводами.

«Это что такое? Ведь поют они! Да они с ума сошли!» — послышался снизу испуганный, негодующий голос надзирательницы, и, звеня ключами, она поднялась по лестнице, чтобы унять дерзких узниц, так необычайно нарушивших тюремный покой. Хлопнула форточка в двери, послышались сердитые пререкания. Кошачьими шагами она обходила все камеры, грозя и ругаясь. Пение смолкло, и только чей-то упрямый голос раздавался еще некоторое время под сводами. И снова все стихло, только шумно кровь катилась по жилам, да сердце громко стучало. Часы давно пробили полночь. Новый год, Новый революционный год наступил и был встречен.

[Юлия Гольдман]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Т и ф л и с. 22 апреля 1901 г. за демонстрацию «первого мая», о которой своевременно были напечатаны подробные сведения в нашей газете, задержали 41 чел., из них трех женщин-интеллигенток. В ноябре этого года стало известно, что оставшихся в тюрьме (большая часть была выпущена за недостатком улик) ссылают в г. Харьков и в другие города внутренней России. 21 ноября должны были сослать двух главных обвиняемых этапным порядком в Харьков. В 9 ч. 20 мин. утра отходит поезд. На платформе, кроме родных и семейств ссылаемых, собрались неожиданно рабочие, всего чел. триста. Пред третьим звонком рабочие оттеснили публику, разместились около арестантского вагона, затем заехали: «Отречемся от старого мира» и выкинули красное знамя с надписью: «Долой самодержавие!» Поезд двинулся тихо, а наравне с ним, рядом с арестантским вагоном, двигались стройной массой рабочие, над головами которых развевалось большое красное знамя. Вот оно склонилось и окутало решетки окна, где сидели глубоко взволнованные уезжающие в ссылку товарищи. Пение лилось стройно и внятно, всех охватило воодушевление, крики: «долой самодержавие!» потрясли воздух, поезд усиливал ход, рабочие бежали рядом с арестантским вагоном, где сидели те, кто так много пострадал за общее дело борьбы за социализм, за политическое освобождение России от царского деспотизма... Так пробежали они всю платформу, поезд разогнал и умчал наших товарищей в ссылку.

Полиция и жандармы были не подготовлены. Они растерялись и были отброшены толпой. По окончании демонстрации знамя удалось свернуть и спрятать. Рабочие, выйдя плотной массой с вокзала беспрепятственно, быстро рассеялись по прилегающим улицам. Впечатление на публику эта неожиданная демонстрация, столь стройно проведенная, произвела сильное. За демонстрацию пока еще никто не пострадал.

Москва. Здешним Ком. Росс. С.-Д. Р. П. изданы листки: 1) «Письмо к товарищам» (октябрь 1902 г.) по поводу суда над демонстрантами и 2) «Письмо рабочего об обществе взаимопомощи механических рабочих г. Москвы». Перепечатаваем целиком это письмо: оно приобретает в высшей степени современный интерес теперь, когда Зубатов устраивает провокаторское рабочее общество в Спб.

«Товарищи! Прошу вас обратить внимание на общество рабочих Москвы и прошу: войдите в защиту этих несчастных членов общества, разубедите их, кому придется встретиться, словом и литературой. Посмотрите, что было и что стало это общество и какая тонкая политика генерал-провокатора Зубатова: рабочих можно теперь стричь, как овец. Зубатов с мая 1901 года и до января 1902 года позволял рабочим говорить публично, что у них болит и что их допекает, а профессорам читать лекции. Рабочие стали публично говорить, что у них квартиры плохи, много времени работают и очень много голодают; когда и работа есть, так и то скверно питаются: мало получают; плохо знают грамоту, не по-человечески с ними обращаются и до невыносимости штрафуют, и, подведя итоги всех невзгод, оказалось, что рабочих здорово эксплуатируют. Рабочие начинают советовать, как лучше им устроиться. Куда ни бросятся, за что ни возьмутся, все закон не позволяет. Чтобы обеспечить себя от голода, надо получать больше, а нельзя много получить, когда много безработных, которые труд свой дешевле предлагают. Сделать ставку, чтобы меньше времени работать, тогда меньше будет безработных, которые труд свой дешевле предлагают, но закон воспрещает ставки. В обществе видную роль играют заправилы: Афанасьев, Слепов, Красивский — провокаторы. Вот эти провокаторы рекомендуют себя руководителями: Красивский говорит, что без Афанасьева нам ничего не сделать, Афанасьев, — что без Слепова мы пропадем, Слепов, — что без Красивского никак не обойдемся. Хотя рабочие неоднократно просили Красивского не ходить на собрания, но он самым наглым образом опять ходил и продолжал свою деятельность.

«И вот, наплакавшись досыта на свое горе, рабочие обращаются к провокаторам: „что все говорить, да говорить, что мы плохо живем, надо устраивать, чтобы так не жить“. На такой шекотливый вопрос провокаторы заявляют рабочим: „Высказывайте свое мнение, как лучше устроить, все это секретарь запишет, соберем материал и тогда увидим, что делать“. Рабочие говорят, секретарь записывает и отдает Афанасьеву, а тот, конечно, Зубатову. Зубатов красным карандашом подчеркивает, кто знает, как это дело устроить. Рабочие ожидают устава кассы взаимопомощи каждый час. Вздыхают, что долго не разрешают. Между рабочими начинает проявляться солидарность и сознательность. На провокаторов косятся. Между рабочими и провокаторами каждое собрание полемика. Провокаторы к Зубатову. Зубатов предлагает устроить совет рабочих, противный духу устава общества. По уставу общества дела решаются общим собранием большинством голосов. По уставу зубатовского совета, в заседания совета не могут входить рабочие, не принадлежащие к совету. Совет без общего собрания может исключить из членов общества. В совет вошли три провокатора, четыре скептика, а остальные 13 чел. для мебели. Председатель — Афанасьев, секретарь — Слепов, Красивский — контролер на собраниях. Устав потерял силу. Общее собрание не играет никакой роли, потому что есть совет, который стоит выше общего собрания. И вот из демократического общества получился какой-то доселе небывалый полицейско-рабочий департамент. Директор — Зубатов, а заместитель — Афанасьев и К^о. Власть общества перешла к одному лицу — начальнику охранного отделения.

«Я вам представлю работу совета в декабре прошлого года. По приказанию Зубатова, Афанасьев и К^о выгоняют из общества нескольких рабочих. Рабочие начинают протестовать против такого произвола Афанасьева и К^о, говорят, что эти рабочие не заслужили такой казни, чтобы их выгонять. Провокаторы говорят, что эти рабочие не по той дороге пошли: они знакомы с интеллигентами, которые наши враги. Они это врали: рабочие, которые высказывались на собраниях, говорили одну правду, которую они видели и без интеллигенции, а если интеллигенция враг рабочих, то интересно знать, за кого они считают профессоров, — за жандармов, что ли? Рабочие начинают доказывать невинность этих рабочих и просят возвратить их обратно в это общество. Афанасьев говорит, что их выгнали на один только месяц, чтобы одумались, через месяц они будут посещать собрания. Но увы! не могли рабочие-изгнанники дожидаться этого срока: заместитель Малюты Скуратова, Зубатов, бросил изгнанников в тюрьму. Дальше Зубатов организует ткачей, булочников, пуговичников в вышеупомянутый департамент. Профессором лекции читать воспрещают и заказывают целые кипы брошюр самого подозрительного свойства попам и буржуазным мыслителям, как-то г. Тихомирову, который написал „Рабочий вопрос и русские идеалы“, автору „Задуманного Слова“, не помню, как фамилия, и еще кое-кому. Рабочие читают, — все одного направления: повинуйтесь властям, яко данным богом. Итак, рабочие кончили думать сами улучшить свое положение, стали надеяться, что бог и без них все устроит, а им надо только слушаться попов да начальство. Книжки, которые раньше хвалили и советовали друг другу читать, как-то Маркса, Лассалю, Энгельса, Зомбарта (? Ред.), Толстого, Горького, Некрасова и др., сменяют Тихомиров, Пазухин и очень многие попы. На смену профессорам, читавшим лекции по экономике, гигиене и проч., выезжают попы и цензоры. Я удивляюсь, почему Зубатов сам не прочел рабочим лекции, хотя бы членам совета, как должны вести себя опричники. Боже мой, что читают лицемерные служители Христа рабочим! Такие фантастические вещи, что просто из ума вон. Вот до чего дело дошло: рабочие сделались как будто загипнотизированными. Когда было неудачное покушение на Трепова, того самого Трепова, который неоднократно приказывал стегать рабочих нагайками, то рабочие, по приказанию совета, служили благодарственный молебен за избавление этого тирана. Дальше. Зубатов уезжает в Спб. на новую должность, чуть ли не на министерский пост. Конечно, самодержец даст, что угодно, людям, способным защищать его интересы. Он видит, как справился Зубатов с московскими рабочими: все голодают, а молчат, молятся только богу за начальство. Что же, может быть, Зубатов с нового поста и всех рабочих заставит работать, голодать, молчать и молить бога за начальство. Проводить своего начальника на Николаевский вокзал собрались жандармы, чиновники охранного отделения и рабочие, члены совета, конечно, здесь были. Зубатов говорил рабочим речь, от которой многие плакали, желал процветать обществу и жал руки своим провокаторам-рабочим. Бойтесь подобных ловушек. Не допускайте в это общество учеников, в нем все — шпионы».

Борьба политических в Митавской тюрьме. Каждая тюрьма представляет собою нечто вроде особого государства со своими особыми внутренними порядками. Уже с давних пор уголовные преступники считали наихудшей тюрьмой в Прибалтийском крае Митавскую, так наз. «царство тюремщика Гаазе». Это знали и жандармы и уже во время первого дела латышских социалистов прибегали к Митавской тюрьме, если нужно было вынудить показания от упрямых политических. Таких тогда переводили из Либавской и Рижской тюрем в Митаву и отдавали в полное распоряжение палача Гаазе. В Митавской тюрьме политические сами чистили свои камеры. Их кормили общими арестантскими супами, которые потом политические могли подправить, покупая на свой счет полфунта говядины. Каждый день приходилось выслушивать от Гаазе замечания то за убитого на стене клопа, то за высунутый в окно платок и другие подобного же рода преступления против внутренних правил. На жалобы

политических, что Гаазе не принимает для них от родственников никаких вещей и сестных припасов, прокурор отвечал, что это дело жандармерии или начальника тюрьмы, т. е. самого Гаазе. Неудивительно, что в такой тюрьме гимназист Роберт Крейер был доведен до такой степени отчаяния, что покончил самоубийством. Тюремный врач Эйнерс неохотно посещает больных заключенных, и если арестант лежит уже больной на постели и отплеивается кровью, то и тогда еще Эйнерс спрашивает разрешения у Гаазе прежде, чем отправить больного в больницу. Политическому Бредису в 1901 г. Эйнерс под конец заявил, что для него нет больше лекарств в тюремной аптеке, и если он хочет получить лекарство, то должен выписать на свои деньги. После трагического случая с Крейером было отправлено много жалоб на Гаазе в Питер, но придирки его не прекращались. Гаазе попрежнему грубо обращался и вдобавок еще издевался над заключенными, указывая на бесполезность их жалоб. Осенью 1901 г. в Митавской тюрьме сидели политические: доктор Вайнейкис из Полангена, ученик митавского реального училища Линга, Янис Бредис и рабочий Ленцман. В октябре перевели в Митавскую тюрьму из Либавы за подстрекательство политических заключенных бывшего студента Э. Ролау, арестованного с транспортом, и писателя К. Петерсона. После этого сюда же перевели из Либавы товарища Ролау, Э. Клява и цюрихского студента Тролле. Все эти политические сумели завоевать себе в Либаве кое-какие права и льготы, поэтому придирки Гаазе чувствовались ими еще сильнее. Не находя выхода, политические решили прибегнуть к голодовке. Первым отказался от пищи К. Петерсон, и на другой день к нему присоединился Э. Ролау. Результат оказался лучше, чем можно было ожидать. Гаазе испугался, но все-таки призвал прокурора и жаловался на Ролау, будто тот вел себя с ним грубо. На это Ролау ответил, что по закону начальник тюрьмы не смеет грубиянить, и потребовал, чтобы политическим были даны в Митавской тюрьме такие же права, как везде. Серьезный тон произвел впечатление. Вскоре заключенным объявили, что они впредь могут гулять дважды в день, что тюфяки останутся и днем в комнате, что можно выписывать на свой счет обеды и получать сестное и вещи от родных. Стали выпускать на прогулку тех, у кого кончилось дознание. Сам Гаазе тоже в это время значительно притих. Но борьба этим не кончилась. Ее подняли теперь уголовные. Они увидели успехи политических и перестали считать Гаазе непобедимым.

В марте 1902 г. получил, наконец, приговор доктор Вайнейкис. Приговор, изготовленный по рецепту ротмистра Вонсяцкого, был ужасно суров. После двух лет следственной тюрьмы Вайнейкис получил 5 лет Вост. Сиб. Вайнейкису не разрешили ехать на свой счет, так как Гаазе доносил, что Вайнейкис хочет бежать. Гаазе не разрешил Вайнейкису взять с собой вещей более 30 фунтов. 5 июля получился приговор по делу Ролау и Клява, первому 6 лет, второму 4 года Восточной Сибири. Оба теперь находятся по пути в местечко Туруханск, при впадении Енисея в Ледовитый океан. Энергичной борьбой Ролау добился разрешения взять с собой все вещи и видаться с родными не через решетку. В первых числах сентября последовал приговор и оставшимся политическим. По нему Петерсон, Линга и Тролле идут на 3 года в Вост. Сиб. Надо заметить, что Линга еще несовершеннолетний и что все пробыли больше полутора лет под следствием.

Из жизни сектантов на Сев. Кавказе. Сектанты, по преимуществу баптистского толка, разбросаны среди деревенского населения Ставропольской губернии повсюду, но наиболее сплоченной общины баптисты живут по окраинам губернского города Ставрополя, где занимаются, главным образом, различного рода ремеслами и некоторые из них садоводством и огородничеством. Все они, как в губ., так особенно и в городе, составляют пришлый элемент, многие из них отбывают полицейский надзор: высланы они сюда преимущественно из Херсонской и Таврической губерний. Положение их здесь особенно печальное. Несмотря на то, что они поражают всех своим редким трудолюбием, чрезвычайно кротким характером и своим высоким культурным уровнем по сравнению с окру-

жающим городским населением, они, время от времени, благодаря проискам местной администрации и духовенства, делаются объектом различного рода варварских издевательств со стороны некоторой части православного невежественного населения, разжигаемого диким бесцеремонным наускиванием «пастырей христианского стада». Такого рода дикие «потехи» устраиваются над местными баптистами из года в год, и всякий раз после того, как полицейские провокации не достигают желанных результатов. Во что бы то ни стало местным полицейским держимордам нужно ежегодно создать несколько дел «сектантских» для того, чтобы перед лицом центрального правительства выказать свою «рачительность по службе», а кому неизвестно, что заработать на «крест и ордена» легче всего можно, искореняя отечественную «крамолу»...

И вот в известное время, когда у местных помпадуров начинают зудеть руки, они наускивают на беззащитных баптистов свою полицейскую орду; — если это не приводит ни к чему, принимается за дело местный жандармский ротмистр, который пускает в ход своих «людей-шпионов», которые вынюхивают следы «сектантских преступлений». В результате — облава на мирных сектантов, подрывающих основы «церкви и государства». В этом году весной было произведено несколько обысков среди сектантов, у одного или двух из них были отобраны заграничные издания Льва Толстого и еще что-то в том же роде. Но такие плоды «охоты» не удовлетворяют наших держиморд, и они, с соизволения губернатора Никифораки, устраивают собеседования православных попов с сектантами, на которых обыкновенно легче бывает вылавливать наиболее влиятельных сектантов. Это одно из наиболее могучих орудий, которыми пользуются наши полицейские в борьбе с сектантами. Для этого случая выдвигается на сцену местный губернский миссионер, поп Симеон Никольский, типичный сколок, по своему безграничному ханжеству и лицемерию, с знаменитого Иоанна Кронштадтского. Изувер с ног до головы, поп Никольский, верный раб полицейской и жандармской своры, охотно устраивает «собеседования», на которых так ловко разжигает темные инстинкты у невежественной православной толпы, что ему мог бы позавидовать и знаменитый поп-миссионер Пансий (из романа Степняка «Штундист Павел Руденко»), об'яснявший мирянам все стихийные беды, как пожар и проч., тем, что в их среде живут штундисты, делающие «подговоры» и «заговоры», и тем натравливающий на штундистов толпу, беспощадно избивающую ни в чем неповинных людей. К сожалению, в наших темных деревенских уголках есть еще почва для деятельности таких изуверов. Во всяком случае, наш ставропольский миссионер Симеон Никольский очень часто достигает своих гнусных результатов. Как в прошлом году весной, так и в этом году в мае месяце его «собеседования» окончились диким избиением сектантов пьяной толпой из его православной паствы, как только сектанты показались на улице. Полиция, обыкновенно, так чувствительно относящаяся ко всякому нарушению «общественной тишины и порядка», на этот раз изменила и понизила свою нервную впечатлительность, так как на сей случай она имела «особые инструкции»... Мызрецовский принцип «тащить и не пущать» остался в силе только по отношению к сектантам, двое из которых вскоре после побоища были заперты в участок по наущению попа Никольского. Говорят, что этими побоищами всецело руководила полицейская орда, подкупившая некоторых из босяков, которые и были главными участниками избиений. Платили, говорят, недорого, всего на «сороковку царской монополии». Отец Симеон очень доволен своими «воздействиями». Так-то живет сектантам в Ставрополе. Что же касается до деревенских сектантов, то, говорят, им тоже не дают жить урядники и попы, придирающиеся ко всему и строчащие доносы «по начальству».

Станица Владимирская, Куб. обл. (сообщено Донск. Комитетом). Постепенно уменьшение земельных наделов, недороды и, наряду с этим, увеличение расходов на снаряжение казаков все чаще и чаще заставляют кубанцев роптать на свою горькую нужду и на несправедливость «начальства», которое не желает входить в положение казаков и предъявляет к ним слишком большие требования

по части «справки» казаков на службу. Оно, бракуя коня или амуницию, часто руководствуется не инструкциями, а собственным произволом. Благодаря этому, снаряжение казаков становится прямо-таки разорительным и непосильным бременем для массы казаков. Недороды последних лет окончательно подрывают благосостояние масс. На этой почве и возрождается недовольство. Вот один из таких фактов.

В ст. Владимирской происходит осмотр казаков. Войсковой старшина, фамилии которого не удалось узнать, остался недовольным «амуницией» казаков и принялся распекал их и местных властей: кричал, топал ногами, запугивал «кутузкой» и проч. Надо заметить, что «казачье начальство» не церемонится со своим братом, казаком. Нередки случаи, когда за неисправность обмундировки казаков и за неимение лошади сажали на неделю, на две, а то и больше, не только отцов казаков, но и атаманов станиц. На этот раз «начальству» был дан дружный отпор. Казаки подступили к войсковому старшине и, «тыкая» ему в лицо кулаки, в свою очередь кричали: «Это вы нас довели до этого; у нас земли нет, а вы тысячи десятин отдаете принцу Ольденбургскому; у нас дров нет, а вы отдаете наши леса тому же Ольденбургскому и Владимиру для охоты; у нас не на что справиться бедного казака, не чем платить жалование станичному атаману и писарям, а вы отобрали у нас трактирные, питейные и земельные доходы и т. д. Так давайте же нам средства на снаряжение казаков». От Маламы (кубанский наказный атаман) был затем получен приказ, чтобы к 23 ноября казаки были снаряжены. Станичные атаманы станиц Вознесенской и Владимирской ответили в том духе, что «рады бы стараться, да денег нет». К 23 ноября казаки опять явились неисправными. Тогда «начальство» назначило окончательный осмотр на 7 дек. и прочитало казакам такой «закон»: кто к 7 дек. не явится вполне исправным, тот будет заключен в тюрьму от двух недель до двух месяцев; кто после этого в течение семи суток не выполнит требуемое от него, — будет заключен в тюрьму от двух месяцев до двух лет; кто же и в третий раз не будет исправен, — тот будет лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь или в каторжные работы. По прочтении этого «закона» поднялся невообразимый шум. Недовольство и возбуждение достигли крайних пределов. «Начальство» не принимает никаких репрессивных мер, ограничиваясь лишь запугиванием. Казаки же отчасти утешают себя тем, что для усмирения их не пошлют же собратьев-казаков.

Обращение русских рабочих-переселенцев в Америке к русинам. В русинской газете «Свобода», издающейся в Пенсильвании, напечатано нижеследующее, весьма характерное письмо русских рабочих, переселившихся в Америку и проживающих теперь в Нью-Йорке. Мы перепечатаем это письмо, не изменяя в нем правописания.

«Мы, переселившиеся с родной нашей страны, Матушки России, в виду того, что там под гнетом батюшки царя невозможно прожить; ибо, если мы — православные, по артельному обсуждению не решаемся работать по 15 коп. (7½ цнт.) в день (от восход солнца до запада), то царское—„Христолюбивое воинство“ заставляет нас с ружьями, саблями, нагайками и проч... Так, что в последних годах не только политическими преступниками наполняются многочисленные тюрьмы, а даже и бедными работниками. Отсюда мы не признаем царского православия истинным Христианством, но тиранским и зверским... Здесь, в Нью-Йорк, есть православная церковь, но мы в ней не пойдем, мы хорошо понимаем, что то не церковь, а пот и кровь российского работника, который пухнет с голода, а царю подать должен заплатить, ибо царю хочется, чтобы его имя не только почитали в российских церквах, но и за границей. А истинные Христиане подобного самолюбия и насилия не признают... Поэтому, если вы, Русины, обитающие на вольной земли Вашингтона не имеете намерения почитать за главу церкви ни папу римского, ни „батюшку царя“ — мы готовы к вам присоединиться».

Харьков. 14 ноября здесь была назначена Харьковским союзом учащих (насчитывается около ста объединенных кружков) демонстрация на кладбище на могиле застрелившегося гимназиста — новой жертвы средней школы. Несмотря на строгое запрещение инспектора не участвовать на похоронах, товарищи покойного совместно с учащимися во всех средне-учебных заведениях торжественно — ученики в мундирах, гимназистки в белых фартуках — отправились на кладбище устроить панихиду. Но честным детским сердцам, жаждающим протеста, не удалось найти удовлетворения — царский поп отказался служить панихиде в царский день!..

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Смоленск. В одном из номеров «Смоленского Вестника» (от 12 ноября) было сообщено о волнениях среди крестьян Бельского уезда, Смоленской губ. Сообщение это лживо, что вполне, впрочем, понятно, так как писал-то его сам же смоленский губернатор (Н. Звягинцев), действовавший при помощи штыков и розог на поле брани. Впрочем, почему же ему и не воспользоваться случаем, раз местная газета соглашается без всяких оговорок печатать заведомую ложь? Зато, авось, он же милостивой рукой и пропустит какую-нибудь «хорошенькую статейку»...

Дело с «бунтующими» крестьянами состоялось вот в чем. В Бельском уезде, Поникольской волости, есть несколько крупных имений, принадлежащих бывшим владельцам крепостных и охватывающих, как паутиной, крестьянские земли соседних девяти деревень. Чересполосица и неясность границ владений — страшная. Осенью этого года одна из помещиц, Рачинская, решила обмежевать свои владения, так как подозревала, что соседние крестьяне уже лет 15 пользуются небольшим клочком ее земли. Был приглашен казенный землемер Грудзинский, который и приступил к делу. Но крестьяне решили не допускать межевания, так как были уверены в законности своего владения. Несколько раз выезжал землемер в поле, но всякий раз наталкивался на толпы мужиков, которые предлагали ему убираться по добру, по здорову. Грудзинский сообщил о положении дел исправнику, а тот телеграфировал губернатору. Тотчас же на место «происшествия» отправились тов. прокурора Чебышев и судебный следователь. Мнения разделились: тов. прокурора указывал, что дело не так серьезно, чтобы пришлось прибегать к силе, но землемер Грудзинский и исправник Жигман настаивали, что без военной силы не обойдешься, и в этом смысле была дана губернатору телеграмма. Немедленно же был снаряжен батальон и во главе с славным Звягинцевым прибыл на место действий. Губернатор приказал созвать мужиков из деревень (они расположены неподалеку одна от другой), и когда те собрались — велел им всей толпой отправиться в лес и наломать веза два розог: «пороть вас буду с... детей!» Привезли мужички розог два веза, свалили их в кучу и по команде встали по одну сторону ее, а по другую расположились солдаты в полном боевом порядке. Между этими двумя людскими массами, рядом с кучей розог, расположилось начальство, и Звягинцев сказал речь к мужикам. Говорил о незаконности их действий, о том, что они такие-сякие, должны уважать всякое свое начальство, поставленное царем, и что ему, губернатору, ничего не стоит сейчас разложить их всех и выпороть, а в крайнем случае — даже и подстрелить. Закончил напоминанием известного изречения Александра III: «слушайтесь своих предводителей дворянства и земских начальников».

Зачинщиков указывал урядник. Когда его следователь спросил, кто сказал, что межевать не надо, — он ответил, что не знает: «всех их видал с открытыми ртами». Дело обошлось без порки: достаточно было мужикам собственными руками наломать для самих же себя розог!

Губернатор настаивал, чтобы крестьяне были привлечены по обвинению в бунте, но тов. прокурора указывал, что здесь нет даже простого сопротивления властям, а тем более бунта. В результате — межевание производится под прикрытием батальона солдат, которые расквартированы по крестьянским дворам, на полном их содержании. 28 чел. арестовано и посажено в Бельскую тюрьму, а дело пере-

дано следователю по особо важным делам. К чести доблестного дворянства, нужно отметить следующую подробность. Когда власти расположились в гостеприимном доме помещицы Рачинской, то туда явился бельский уездный предводитель дворянства граф Уваров и от имени бельского дворянства благодарил губернатора за энергичную поддержку интересов благородного сословия.

Замечу в заключение, что крестьяне были правы не допускать межевания, так как по «Положению» 1899 г. (ст.ст. 19 и 20) так наз. административное размежевание возможно лишь при полюбовном соглашении смежных владельцев.

Из Полтавской губ. Настроение крестьян после весенних беспорядков повсюду тревожное. Крестьяне очень озлоблены против дворян и вообще против крупных землевладельцев. Вот несколько примеров. У нас в имении рабочие прекратили работу просто потому, что их посылали в поле в дождливую погоду. Организации у рабочих, разумеется, нет никакой; это темные люди, и, может быть, только десятая часть из них грамотны. Но тем не менее все были очень солидарны. Холодно, дождь идет, работать не хочется, и они спокойно идут домой. За рабочими пошли домой и женщины. Не помог ни урядник с угрозами, ни протокол. Даже от мальчишек я слышал такие рассуждения: «Нас ругают, что мы не желаем работать. Но зачем же мы станем трудиться для других?» Какой-то крестьянин судился с помещиком и проиграл дело. Крестьянин дал какому-то мальчишке полтинник, и тот поджег стог сена у помещика. На суде мальчишка показал, что сам «барин» дал ему денег и просил его поджечь стог. Помещик рад, что хлеб не был застрахован, — иначе самому бы нагорело.

Еще пример. Помещик сжигает на поле солому. Крестьянин, работавший у него летом, просит дать ему немного соломы. Помещик отказывает, и крестьянин тут же палкой бьет его по голове. Подобных фактов очень много, и они характерны для переживаемого времени. Крестьянин лежит в своей полуразвалившейся хате, грызет сухой хлеб, а на работу к помещику не идет. Только голод выгоняет его из дому. Многие называют это ленью. Но я думаю, что озлобление против помещиков не позволяет ему наниматься в батраки. «Пусть нам скверно без работы, но и помещику без нее не сладко. Все равно, скоро все будет наше», — так рассуждают они. Помещичьи хозяйства с каждым годом ухудшаются. В Полтавской губ. ежегодно 20 тыс. дес. переходят от дворян в руки крестьян. Но крестьянство от этого почти ничего не выигрывает, так как землю приобретают кулаки, точно так же эксплуатирующие крестьян, как дворяне. Условия труда крайне тяжелы: рабочий получает 40—60 руб. в год при «всем готовом». Под «всем готовым» надо понимать: голые доски для сна, 1 куб. арш. воздуха и 5 коп. ежедневно на прокормление. Рабочее время не ограничено. Так же и штрафы. И так как крестьяне не умеют считать, то часто им уплачивают только половину заработной платы, а иногда и того меньше.

Один из наших помещиков устроил следующую историю. Осенью, когда работы кончены, хлеб собран и застрахован, он поджег сарай с хлебом. Там погибло и несколько рабочих. Остальным рабочим он не заплатил ничего на том основании, что хлеб сгорел. Рабочие так и не получили ничего.

Из Черноболатни (Ряз. губ.). Весенние события даже наше стоячее болото, от которого хоть три года скачи, ни до какого революционного или хоть культурного центра не доскачешь, — взбаломутили до дна. Прежде всего еще по весне сюда нагрянул урядник, которому предписано было предупреждать и пресекать революцию в Черноболатне, но он вел свою пропаганду так невнятно, что крестьяне формулировали впоследствии его речи так: «теперь, де, ни петь, ни играть нельзя, потому по всей России будто печаль идет». Подробнее узнали об этой «печали» крестьяне гораздо позже, хотя все тоже от официальных же пропагандистов — земских начальников. Как известно, им были разосланы тайные предпи-

сания об антиреволюционной агитации в крестьянстве с изложением вынуждающих к этому фактов. Многие из этих более просвещенных по сравнению с урядниками официозных миссионеров революции — поняли все же свою роль очень просто: они собрали сход и торжественно на них «вычитывали» совершенно секретный циркуляр правительства. Для тех крестьян, которые были уже достаточно подготовлены этой предварительной агитацией, как нельзя более кстати явились вскоре и самородные апостолы, снабженные, впрочем, в отличие от апостолов библейских и применительно к специфическим русским условиям, известной печатью официальности — т. наз. «волчьими билетами». Эти апостолы в стиле горьковского «проходимца», проходя по деревням и заходя в избы поест и отдохнуть, говорили такие речи: «Вы, мол, спины не очень гните! Уж недолго царю студентов-то бить, и с ним скоро порасправятся, и на него управа найдется, вот уже в некоторых местах мужики-то бунтоваться начали» и т. д.

После таких речей мужичкам уже не трудно было, разумеется, догадаться, что «печаль», о которой по весне воевал урядник, была — господской печалью.

В июле по соседству с Черноболатней случилось небывалое происшествие — «обыск у самого земского, у самого барина»*. Это событие вызвало массу толков, не свидетельствующих о высокой просвещенности или политическом смысле нашей Черноболатни. Так, одни объясняли обыск тем, что «земчиха очень много книг читала нехороших, в которых можно научиться, как полон дом воды напустить и как из собак людей сделать». Другие догадывались, что «господа хотят опять себе крестьян взять, а царь сначала никак не соглашался, потом схитрил и согласился отдать нас боярам на три года, только без права суда, в надежде, что, неподчиненные суду помещиков, крестьяне успеют за это время всех бояр перерезать. Господа на это не согласились, вот их царь и преследует».

Больше чем в политический смысл и интересуют наши крестьяне вопросом о земле.

Вот образец разговоров на эту тему в Черноболатне. Двум мужичкам были подробно рассказаны происшествия на юге, о которых они имели лишь самое общее представление. «Так-то так, — соображал по этому поводу старший из собеседников, — но ежели у нас так устроить, не выдет, не подойдет». — «Почему же?» — спросили его. — «Да потому, я полагаю, земли-то там больше, а у нас что! — развел он руками, — примерно разнесем мы сейчас нашего Самодурова, ну, разделим промеем себя, да нешто мы одни тут? Ведь к нам сейчас и Нееловские и Гореловские пристанут, а земли-то где же взять, нешто на всех хватит?» — «Ну да, не хватит, — порывисто возразил ему его младший товарищ с каким-то озлобленно-упрямым видом, а Собакевич **, а Разуваев ***, небось, как пойдем качать-то, мало их что ли, всем хватит».

Как видно, дебатруется у нас вопрос лишь о том, хватит или не хватит на всех земли, о желательности же и возможности земельного равенства не возникает и спора.

Характерно еще, что в числе прочих сомнений, возникающих у крестьян, высказывается опасение, что за отнятую у помещиков землю придется потом выплачивать новые выкупные платежи — «потому, ведь даром не дадут».

Крестьяне чего-то ждут и иногда это проявляется по самым случайным поводам. У одной помещицы, сдающей свою землю крестьянам, можно было наблюдать такую сценку. Помещица призвала к себе своих арендаторов, чтобы поторопить их со взносом следуемой за истекший срок платы, и стала объяснять им, почему ей желательно

* Кстати, этот почему-то заподозренный в либерализме земский отдан был под надзор крестьян своего участка еще задолго до обыска, причем организовавший этот надзор урядник соблазнял молодых парней на ампулу добровольцев сыска красными кумачными рубашками и, разумеется, продуктами отечественной «монополии».

** Ех-предводитель первенствующего сословия, владелец нескольких тысяч десятин.

*** Скупающий в большом количестве дворянские земли, рыцарь первоначального накопления.

было бы получить деньги поскорее. — «Да, да, конечно, а то как же, понимаю», — поддакивал «дядя Владимир», влиятельнейший в деревне хозяин, — понимаю, конечно, — повторял он, имея в виду что-то совсем другое, и вдруг неожиданно закончил свои успокоительные поддакивания такой репликой: «Вы, матушка, Пульхерия Ивановна, не сумлевайтесь, ежели в случае чего, мы вас не выдадим, потому известно, вы всегда добры к нам были».

Классовое чувство ненависти к «господам» настолько уже назрело, что нередко выливается в самых резких формах.

«Уж и злоба не берет другой раз на вас, на господ, — прорывается вдруг иногда какая-нибудь обычно забитая и смиренная Марфуня, и ее воодушевленно-карающее лицо горит пламенем жгучего чувства негодования и мести. — Вяжешь это в поле, сверху солнышко так и жарит, так и обжигает, а снизу тебе прямо в лицо и грудь земля-матушка полымем пышет; поясицу разогнуть нельзя, ведь с самого утрачка, вдвое перегнувшись, по полю ходишь; в глотке пересохло все и промочить-то ее нечем, в кувшине водицы-то уж ни звания нету; да в пылищи вся, да грязная, потная вся, загорелая, руки растрескались, ломают, гудут, и глядишь это: вы идете себе полегоньку, потихоньку, под зонтиком, с книжечкой, да полные, да румяные, да одеты-то во все чистенькое, белое — ну будто вот репка чистая, хорошая! Как увидишь это, так в сердце-то все и перевернется. Господи, за что же это я-то тут, как в аду мучаюсь, мучаюсь, а они знай себе погуливают! А другая-то из вас пройдет это, да остановится и так ласково скажет: „А трудно тебе работать?“ — Ах, идол те возьми. Взяла бы сама, да своими белыми ручками-то повязала бы так, как я вот, до самого солнышка... Да когда же это погибель на вас, на господ, придет!! Хучь бы мор какой на вас, что ли! Взяла бы палку, да выгнала бы всех бояр на наше место — в поле хоть денек поработать, небось жир бы спал, брюхо подвело бы у них.

«Нет, — гремит уже Марфунька с верой и непоколебимой убежденностью пророчицы. — Придет на вас погибель, придет, уж покажем мы за наши обиды всем вам, боярам и господам, довольно вы над нами издевались!»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ростов-на-Дону. В прошлом номере мы сообщали краткие сведения о конце стачки. Помещаем теперь более подробное описание событий, сопровождавших окончание «борьбы ростовских рабочих». Начнем с 17 ноября, чтобы дать место изложению одного важного эпизода, не отмеченного еще до сих пор в печати.

В воскресенье, 17 ноября, администрацией были приняты самые решительные меры, чтобы не допустить сходки «на балке». На Темерник повалила масса народу, но вся она не была пропущена. В одном месте, близ фабрики Панченко, толпа пыталась прорвать цепь, но моментально прилетели казаки, исколотили и прогнали публику нагайками. На Темернике на каждом повороте были поставлены кордоны из казаков, солдат и полицейских. Стоило только сойтись пяти человекам, как христололюбивое воинство моментально обнажало шашки и, рассекая ими воздух, устремлялось фосированным маршем на собравшихся. Поэтому на Темернике было чрезвычайное обилие одиноко расхаживающих рабочих. Только в одном месте удалось собраться чел. 60—70, но и они были немедленно разогнаны. Тогда один из вожаков решил перенести сходку в другое рабочее предместье — на Пахаловку (Новое Поселение). Стоило только проронить несколько раз слова: «на Пахаловку», как немедленно они стали передаваться из уст в уста. Через час на Пахаловке собралась толпа чел. в 600. Но не успел оратор произнести речь, как туда же пожаловала сотня казаков и без предупреждения начала колотить нагайками толпу. К счастью, рабочие собрались недалеко от кирпичного за-

вода, где вся площадь усеяна обломками кирпича. Град камней полетел в казаков и заставил их отступить. Оправившись от поражения, казаки обнажили сабли и бросились рубить непокорных, но град камней снова остановил их воинственный натиск. Оттеснив казаков, рабочие, опасаясь залпов, бросились во дворы. Население Нахичевани выступило им на помощь. Женщины и дети выносили рабочим ухваты и рогачи, собирали камни. Рабочие из-за заборов очень удачно обстреливали казацкие ряды. Казаки послали за подмогой, и скоро на место побоища примчались галопом еще четыре сотни казаков. Не дожидаясь их прибытия, рабочие поколотили еще казаков и разошлись. После этой битвы полицмейстер Колпинов издал распоряжение, по которому жители Ростова обязаны были тщательно очистить свои дворы от камней и других удобобросаемых предметов. Виновные в неисполнении будут подлежать строгой ответственности. Само собою разумеется, что постановления этого никто не исполнял. В городе даже распространился слух, что объявление это выпустил Донской Комитет, желая дискредитировать полицмейстера в глазах населения. Слухи эти, однако, ошибочны: это был не злостный памфлет, а подлинное распоряжение начальства.

В тот же день было издано объявление, сообщавшее, что завтра, 18-го, в мастерских будет дан призывной гудок на работу, по которому все рабочие должны явиться в мастерские, с неявившимися будет поступлено по всей строгости закона. Можно было опасаться, что рабочие станут на работу, но этого не произошло. С 6 час. утра до 4 час. дня 18 ноября несколько раз были протяжные гудки. На работу стало всего чел. 60. После 2 час. по Темернику разезжали «герольды-казаки, громко кричавшие: «Идите на работу! Горе вам будет! Вот увидите, как теперь с вами поступать будут!» и т. п.

19-го на заре казаки стучали в окна рабочих и звали их на работу, грозя разными ужасами. Как и в предыдущий день, было дано несколько гудков, и тем не менее на работу явилось всего 91 чел. У ворот мастерских стояло чел. 500, которые решили не пускать на работу никого, но желающих идти работать было очень мало. Тут же рабочие исколотили нескольких мастеров за старые грехи.

20-го на работу явилось еще меньше рабочих, чем 19-го. В этот день началась административная высылка рабочих, обставленная варварскими подробностями. Громадные отряды полиции, жандармов и казаков врываются в квартиры рабочих и уводят кормильцев рабочих семей. Арестуемым не давали даже проститься с семьей и не говорили, куда их уводят. Их вытаскивали из квартир, не давая собрать необходимых пожитков, окружали казаками, державшими сабли на-голо, и уводили меж шпалерами конных казаков, расставленных от конца темерницких улиц до вокзала. Между рабочими стали распространяться разные дикие слухи о судьбе арестуемых (ссылка в Сибирь, избивание и даже казнь стачечников), причем слухи поддерживались и старательно раздувались чинами полиции. 21 и 22 ноября административные высылки и аресты продолжались — брали без всякого разбора. Высылки производили на рабочих удручающее впечатление. К тому же 22 ноября кем-то был пущен слух, что масса рабочих выдает расписки в том, что она желает стать на работу, но ей не позволяют это делать вожаки. Говорили, что уже «записалось» более 1.500 чел. и что нежелающим работать дорога выдает расчет, а полиция немедленно выселяет из города. Несмотря на усилия организованных рабочих разубедить массу в том, что все это неправда, не удалось. Вдобавок в этот день прибыли солдаты жел.-дор. батальона Закаспийской ж. д. в количестве 250 чел. Власть распространяли слухи, что сюда придут еще 1.500 солдат, при помощи которых работы будут продолжаться до тех пор, пока рабочие сдадутся. Тем не менее, была полная уверенность, что рабочие продержатся еще несколько дней. Вопреки этим ожиданиям, 23 ноября в мастерские на работу явилось около тысячи чел. Тогда организованные и наиболее боевые рабочие явились в мастерские якобы на работу. Но работать они не стали, а стали расхаживать по цехам и отпускать по адресу работающих извительные словечки: нуды, изменники, пре-

датели, трусы и т. д. На работающих крики эти производили очень сильное впечатление, и днем все рабочие, за исключением электро-механического цеха, бросили работу и собрались на сходку в сборный цех. После речи, сказанной одним из рабочих, большинство высказывалось за то, чтобы продолжать стачку. В это время на сходку явился начальник мастерских Дзевонский и начал убеждать рабочих прекратить стачку, обещая удовлетворить главнейшие требования, за исключением 9-час. раб. дня. До тех пор, пока рабочие не станут на работу, — говорил Дзевонский, — «мы не имеем права, согласно распоряжению мин. путей сообщения, вступать с вами в переговоры, так как закон признает вас мятежниками и бунтовщиками». Дзевонский тут же поклялся, что часть требований будет удовлетворена в противном случае он отдает себя на суд рабочих. В конце концов, между Дзевонским и рабочими было достигнуто соглашение: рабочие должны стать на работу, а через неделю им будет объявлено, какие требования удовлетворены. На воскресенье, 24 ноября, был назначен молебен по случаю достигнутого соглашения. На молебне депутаты от рабочих требовали, чтобы была отслужена панихида «по невинно-убиенным» во время стачки. Священник отказался служить.

Несмотря на все это, 25 ноября около тысячи рабочих не явились в мастерские. Но продолжать дальнейшее сопротивление было невозможно; это значило бы произвести раскол между рабочими, который закончился бы междоусобным побоищем. И Комитет в вышедшей 26 ноября прокламации не призывал к продолжению стачки, но предупреждал рабочих, что здесь может быть ловушка, и потому советовал, как только дорога начнет оттягивать ответ, немедленно вновь бросать работу. 26 ноября, на 23 день, все стачечники работали. В этот же день Дзевонский заявил во всех цехах, что могут быть удовлетворены след. требования: повышение платы на 20 процентов; повышение платы чернорабочим на 67 процентов (с 60 коп. до 1 руб.), прекращения работ по суботам и накануне праздников в 2 часа дня; выдача по 15 руб. в случае рождения ребенка или смерти кого-либо из членов семьи рабочего; выдача шести проездных билетов в год; устройство новых проходных будок и еще пара мелких требований.

В субботу должны были объявить окончательно, какие требования удовлетворены, но вместо объявления один из мастеров, Фонинетти, от имени управления дороги заявил, что рабочие все еще волнуются, а потому дорога откладывает ответ до тех пор, пока рабочие не успокоятся. Комитет выпустил новую прокламацию и, указывая, что рабочих нагло надули, призывал их к новой стачке и к демонстрации. Но вызвать новой стачки не удалось: рабочие слишком изголодались и задолжали, и к тому же приближаются праздники, что настраивает умы совсем не на боевой лад, особенно в виду того, что за все время, в течение почти целого месяца, среди рабочих не видно было ни одного пьяного.

Требований до сих пор не удовлетворяют, не видя надлежащего успокоения. Пока что удалены мастера Вицкевич и Чернявский и врач Попов; в мастерских начинают строить проходные будки.

После такого конца стачки естественно было ожидать сильной реакции, но ее не замечается. Большинство рабочих говорит о новой стачке. Одни предлагают начать ее в январе; другие находят необходимым хорошо подготовиться и приурочивают ее к первому мая. Весной, говорят рабочие, мы сможем три месяца держаться.

Политическое недовольство замечается даже у самых отсталых, религиозных стариков-рабочих.

Только среди некоторой части рабочих (преимущественно электро-механический цех) наступила реакция, сказавшаяся в том, что часть последних прокламаций была унесена в контору. Эти рабочие ругают Комитет за то, что он их «впутал в политику». Не будь «политики» и, главным образом, слов: «Долой самодержавие», — все было бы хорошо и все требования были бы удовлетворены. К счастью, таких рабочих ничтожный процент; несколько больше таких, которые думают, что царь ничего о ростовских событиях не знает; в противном случае, он сослал бы атамана на каторгу.

Почва для работы теперь великолепная; *к сожалению, сеятелей нет или их слишком мало.

Вот еще выдержки из письма в «Искру», доставленного нам несколько кружным путем:

«Хочу поделиться с вами впечатлением, какое произвел на меня Ростов после колоссальных митингов, происходивших там в течение 8 — 9 дней и преобразивших в известном смысле физиономию города. Население его иначе не понимало движения, как чего-то, что должно вылиться в погром. А тут, стекаясь ежедневно на сходку рабочих, оно увидело сознательную, благородную, дисциплинированную массу, с напряженным вниманием слушающую речи вождей и повиновавшуюся их приказаниям. Население услышало здесь свободное слово, вылившееся из глубины души, почувствовало, на чьей стороне правда, и, что всего важнее, увидело силу, которой боится полиция. Оно увидело, что полиция далеко не так всесильна, как это раньше казалось, и подняло голову: перестало трусить, открыто давало деньги для стачечников и открыто выражало им свое сочувствие. С другой стороны, оно увидело защитников престола — диких казаков, и вряд ли найдется кто-либо, кто не говорит с ненавистью о казаках. Был, напр., такой случай. В. гоновожатый откасался вести вагон трамвая, пока не слезет севший казак, и тот принужден был слезть. Выстрелы не произвели угнетающего впечатления, а наоборот, озлобили население. Вообще, население не узнало. Очень важно то обстоятельство, что движение было вполне организованным. Комитет заранее распределил роли, кому дать свисток, кому позвать оратора, кому отбить мастеров и пропустить оратора. И в тот же день, т. е. 4 ноября, вышла первая печатная прокламация Комитета с призывом к стачке и с выставленными требованиями. Комитет во время ноябрьских дней выпустил около 26 тыс. экз. прокламаций. Типография жива и здорова, хотя ходят слухи об аресте ее то в том, то в другом месте. С особенным удовольствием рассказывают, что она найдена под той гостиницей, где останавливался атаман. Интересно, что все называют ее «типография Донского Комитета». Типография была устроена незадолго до стачки. Обошлась она недорого, благодаря активному участию в деле некоторых очень ловких рабочих. До стачки в Комитете шла усиленная организационная работа. Было, кажется, 13 кружков, в них представители разных фабрик и заводов. Всех организованных рабочих было, должно быть, чел. 120. Устав кружковый налагал известные обязательства, неисполнение которых наказывалось исключением и т. п. Человек восемь бежало из Ростова. Из них часть имела отношение к Комит., который несколько ослаблен, но продолжает энергично действовать. Тяжелое впечатление производит массовая высылка рабочих на родину. Остаются семьи без хлеба, без топлива. Высылают без особенного разбора. Выслано уже свыше 200 чел. В числе высланных есть и организ. рабочие».

Дальнейшие известия. Приехавший в Ростов фон-Валь (подробности его пребывания сообщим) приказал принять обратно на службу уволенных мастеров — Вицкевича и Чернявского. Появление их в мастерских вызвало целую бурю негодования. Чернявский забрался в контору и не высовывал оттуда носа. Вицкевич же осмелился в сопровождении казаков пойти в котельный цех, которым он заведывал. Как только он переступил порог цеха, сейчас же работа пошла значительно тише, а в воздухе начали циркулировать по всем направлениям гайки, заклепки и т. п. предметы, с зловещим стуком ударявшиеся о стенки цехов. Вицкевич благоразумно поспешил ретироваться.

После этого рабочие отправили к управляющему дорогой депутацию с категорическим требованием сообщить, какие именно требования дорога удовлетворит и когда именно. В ответ на требование управляющий вывесил объявление следующего содержания: «Объявление. С.с.г.д. 12 декабря, мною лично объявлено выборным от мастеровых и рабочих ростовских мастерских, что настоящим подтверждаю: что в виду той формы, в какой были заявлены желания и претензии мастеровых и рабочих, я давая этим претензиям дальнейшего хода не имею права и не могу. Мастерские и рабочие должны работать на основании добровольно принятых ими существующих усло-

вий и требований рабочей книжки, с соблюдением полного порядка и дисциплины и что только, убедившись в строгом, точном и спокойном исполнении мастеровыми и рабочими принятых ими по рабочей книжке обязанностей, я получу право рассмотреть в законном порядке выраженные желания и претензии и дать дальнейший ход ходатайству мастеровых и рабочих. Декабря 12 дня 1902 года. Подлинное: управляющий дорогой Иноземцев. С подлинным верно: начальник главных мастерских Дзевонский».

На это объявление будет немедленно отвечено прокламацией.

Перепечатаваемая нами прокламация Донского Комитета подводит итог замечательным событиям, дает в высшей степени яркую и верную оценку им и делает практические выводы, которые никогда не устанет повторять соц.-демократия. Прокламация эта была издана в 6.500 экз. и разослана в декабре в разные города России².

К ГРАЖДАНАМ ВСЕЙ РОССИИ.

Правительство изменило своей обычной тактике — замалчивать рабочие волнения или сообщать о них тогда, когда уже вся Россия знает о происшедших событиях из частных слухов, писем или подпольной печати. 4 ноября рабочие мастерских Влкв. ж. д. в Ростове забастовали, а 19 ноября, в разгар стачки, в «Прав. Вестнике» появляется официальное сообщение, по обыкновению, полное лжи и лицемерия; оно стремится приписать «буйной толпе» рабочих «назойливость», «глумление» и полную бессознательность требований, а войско и администрацию представить в умильном образе ангела-хранителя порядка и законности. Дипломированные писатели департамента полиции пытаются придать рабочим «беспорядкам» в Ростове и Тихорецкой исключительно экономический характер, — и в этом первая, самая грубая и возмутительная ложь официального сообщения. Правда, начав стачку, ростовские рабочие предъявили ряд требований, не заключавших в себе политической тенденции, — иного характера и не могла носить их первоначальная борьба с хозяевами. Но достаточно было агитаторам приложить усилия, и смутное политическое брожение превратилось в ясное политическое сознание. Да и само правительство способствовало этому. Уже на третий день стачки рабочим стало известно, что в их борьбу с предпринимателями вмешалось правительство, что их требования встретили отказ не в управлении дороги, а со стороны правительства, в лице министра путей сообщения. Рабочие увидели, как вся несметная стая царских слуг слетелась для того, чтобы задушить рабочее движение, подавить стремление рабочих к счастью и свободе. Тысячи казаков были мобилизованы против ростовских рабочих. Весь город превратился в военный лагерь, двинули даже артиллерию... Пользуясь смятением властей, растерявшихся в первое время, Донской Комитет, пока не прибыли войска, организовал народные собрания, каких еще не знало революционное движение в России. В течение целой недели, сперва в мастерских, а затем в громадной «балке», самой природой предназначенной для народных митингов, собралась многотысячная толпа рабочих, чтобы впервые услышать свободное, смелое слово о рабочей нужде, о политическом гнете, давящем Россию, чтобы впервые открыто читать ежедневно появлявшиеся прокламации. Несколько ораторов в ряде речей разъясняли рабочим значение выставленных стачечниками требований, подвергали резкой критике самодержавный полицейский строй, выясняли сущность политической борьбы, ее необходимость для рабочих. Собрания эти, протекавшие в изумительном порядке и ничем не отличавшиеся от митингов на Западе, не могли не оставить глубокого следа в рабочих, не могли не вывести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстрации и протеста всего рабочего населения Ростова. Проклятия по адресу самодержавного правительства и призыв к политической свободе встречали взрыв энтузиазма в рабочей массе, которую не теория, не фраза, а сама жизнь приближала к сознанию необходимости свободы стачек и союзов, собраний и печати, к сознанию, что без участия народных представителей в управлении страной масса никогда не добьется лучших условий жизни. Удивительно ли, что правительственное сообщение ни словом не обмолвилось об истинном харак-

тере ростовской стачки? Организованные 20 и даже 30-тысячные собрания рабочих, политические речи, строгая дисциплина стачечников и единодушная резолюция в пользу политических прав народа, — как все это далеко от «буйной» шайки нарушителей «общественной тишины и спокойствия», — этого трафарета, по которому строятся все сообщения правительства об освободительном движении народных масс!

Зато для восхваления храброго воинства правительственное послание не жалеет слов и красок... «Рабочие позволяли себе глумиться над войсками»... «назойливость рабочих достигла крайних пределов»... «Рабочие не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать в войска камни»... — этим правительство пытается оправдать ружейные залпы в беззащитную толпу. Здесь все от первого до последнего слова — гнусная ложь!

В Ростове бойня была произведена 11 ноября. С раннего утра казаки стали разгонять прикладами и пиками явившихся на сходку. И тогда началась героическая борьба. В кровавом бою, ценою человеческих жизней, рабочие покупали себе свободу схода и свободу слова. Десять раз они отбивали и обращали в бегство казаков. В конце концов, казаки отступили, обычный митинг состоялся. И уже после собрания, когда на месте схода остались дети да кучка любопытных, брошенный мальчишкой камень попал в казака, и этого было достаточно, чтобы воспламенить воинственный пыл донских башибузуков. Казаки врзались в кучу женщин и детей, началось избиение; и вот среди этой свалки, без всякого предупреждения, раздался внезапно залп, рассеявший толпу. Убитых оказалось, вопреки сообщению правительства, не 4, а 6, а раненых — более двух десятков.

Еще ужаснее были действия войск в Тихорецкой: здесь, в малонаселенном поселке, среди пустынной степи, вдали от нескромных взоров любопытствующих горожан, зверства царских опричников достигли высших размеров. 17 ноября не успели рабочие собраться, как на них была пущена дикая рать казаков. Рабочие, по примеру ростовских товарищей, сели, а потом даже легли на землю в надежде, что казачья нагайка не коснется лежащего. Но напрасная надежда: казаки врзались в грудь человеческих тел, рассекая ее шашками и нагайками. Рабочие поднялись на ноги, с беспримерным мужеством отбивались от казаков и обратили их в бегство. Тогда в толпу посыпались ружейные выстрелы. Подавленные силой, рабочие разбегаются по домам, но казаки, опьяненные жадной кровью, преследуют их, как загнанных зверей, и колотят, никого и ничего не разбирая...

Рабочий Обоенко, не бывший даже на сходке, идет домой с ведрами воды на плечах, казак выстрелом в упор убивает его наповал; другой, преследуя рабочего, врывается в его домишко, жена рабочего пытается остановить бандита, но тот выхватывает шашку и одним взмахом распарывает ей живот... Не довольствуясь дикой расправой, атаман отдает приказ выселить всех рабочих из железнодорожных казарм. Начинается настоящий погром... Убогие пожитки пролетариев летят на улицу, грудных младенцев швыряют через окно, кубанцы ломают сундуки и грабят имущество бедняков!.. На месте сражения валяются отрубленные части человеческого тела, несколько трупов и масса тяжело раненых. Так действовало славное русское воинство, так расправлялось со стачечниками народолюбивое правительство! Так правда глаголет устами департамента полиции! *

Тяжела и самоотверженна борьба рабочих, многими жертвами и поражениями сопровождается она, но каждый день приближает нас к победе, все больше и больше появляется фактов, свидетельствующих о силе революционной энергии, скрывающейся в недрах их массы. Кто мог предвидеть, что в 1900 году харьковские рабочие впервые поднимут красное знамя политической демонстрации? Кто за неделю до стачки мог предсказать, что рабочие почти всех ростовских фабрик обнаружат чисто европейскую дисциплину, с сочувствием будут слушать политические речи, и на вопрос, поставленный собранию, «нужна ли политиче-

* Подробное описание стачки и сопровождавших ее событий Комитет издает в виде брошюры в непродолжительном времени.

ская свобода?», единодушно ответят: «да, нужна!» Вихрь событий, пронесшийся в течение нескольких дней по юго-востоку России, показал пробуждение рабочего класса, силу развившейся в нем классовой солидарности и политического сознания. Достаточно было возникнуть стачке на ростовских железнодорожных мастерских, чтобы забастовали рабочие еще нескольких крупных фабрик; стоило проникнуть прокламациям в Тихорецкую и Новороссийск, как там все рабочие бросили работу. Движение сразу приняло ярко политический характер; тысячи рабочих, до того слабо затронутые пропагандой, воочию убеждались в истинном значении самодержавного строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характер ростовской стачки, охватившей несколько тысяч рабочих, не должен пройти бесследно теперь, в минуту крайней реакции, общественной растерянности и предсмертных судорог самодержавия. В то время, как университетская молодежь колеблется и готова примириться с обещаниями жалкой «автономии», а либералы, польщенные учреждением комитетов о нуждах сельского хозяйства, изобретают подпорки для гнилого здания самодержавия и униженно выслушивают издевательства лейб-жандарма Плеве, — один только пролетариат высоко держит знамя борьбы и среди всеобщего мрака не угашает светоча свободы. Эта позорная трусость командующих классов в настоящую минуту особенно рельефно оттеняет революционную и социально-прогрессивную роль пролетариата. Политическая тенденция ростовских событий дает лишний повод подчеркнуть первенствующее значение пролетариата в освободительном движении и потому должна повсюду вызвать сочувствие и поддержку, чтобы этим подкрепить их значение и показать солидарность всего рабочего класса России; зверская расправа со стачечниками, трупы убитых борцов и страдания сотни раненых вызывают к протесту и открытому негодованию. стыдно сказать, насилия против рабочих проходили до сих пор для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Марии Ветровой³, избиение московских студентов дворниками, побоище на Казанской площади в Петербурге приводили к протесту и даже демонстрациям, в то время как смертоносные выстрелы в рабочих «молодцов-фанаторийцев», кубанских и донских зулусов, замирали с последним вздохом жертв... Пора положить конец столь постыдному равнодушию! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрел в рабочих, каждая пушечная в ход нагайка всколыхнет революционную волну, которая с увеличенной силой прокатится по всей Руси, как грозное напоминание о смерти дряхлому самодержавию, как заря грядущей молодой России...

Ростовская стачка, как частное дело ростовских рабочих, закончена; требования рабочих, по всей вероятности, будут удовлетворены, а политическое значение происшедших волнений не замедлит сказаться в будущем. Но того, конечно, мало. Для великого дела политического освобождения страны ростовская стачка только тогда сыграет свою роль, когда она встретит сочувствие среди всех протестующих элементов, когда в той или иной форме ее поддержат революционные организации русского пролетариата. Пусть же пожар, вспыхнувший на Дону, разгорится грозным пламенем, пусть в ответ на ружейные залпы могучим эхом прогремят демонстрации, пусть стоны жертв покроет гром протеста, пусть повсюду так же единодушно, как в Ростове, вынесут смертный приговор самодержавию, гнетущему страну.

Долой самодержавие! Да здравствует грядущая революция!

Ростов-на-Дону. Ноябрь. 1902 г.

Донской Комитет Рос. Соц.-Дем.
Рабочей Партии.

Тверь. Здешний Ком. Росс. С.-Д. Р. П. выпустил «Летучий листок № 2», помеченный 14 декабря и озаглавленный «Памяти декабристов». Рассказав вкратце о событиях 14 дек. 1825 г., листок отмечает, что из двух главных требований декабристов выполнено за 76 лет только одно: отмена крепостного права. Второе же их требование — участие народа в управлении государством, другими словами, политическая свобода, до сих пор остается невыпол-

ненным. «Товарищи рабочие! — заканчивает листок. — Сегодняшний день — день памяти первых мучеников русской свободы! Пусть имена их будут вам близки и дороги, пусть дело, за которое они погибли, делается вашим собственным делом! Когда массы рабочих людей станут вокруг знамени, на котором написано: «Да здравствует политическая свобода!», тогда падет твердыня царского самодержавия. Под страхом крестьянских восстаний оно было вынуждено отменить крепостное право; упорной борьбой мы добьемся и политической свободы. Разносите же, товарищи, во все стороны наш боевой клич: «Долой самодержавие! Да здравствует Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия!» Чем скорее он будет известен всей России от мала до велика, тем скорее мы победим!»

Из Ставрополя-Кавказского. По линии Владикавказской ж. д. в сентябре пришли на заработки крестьяне в некоторых имениях поломали машины вследствие безработицы. Администрация напугана и целыми вагонами отправляет «бунтовщиков» на родину. Настроение среди безработных крайне приподнятое. В местных деревнях очень много толкуют об этих происшествиях; во многих случаях выражаются симпатии к безработным. Среди безработных много крестьян Черниговской и Харьковской губ.

Приводим «Постановление» пом. нач. жандармского Терского Областного Управления, на основании которого был арестован 28 июня 1902 г. Н. П. Бессменов:

«Постановление № 4. Губ. Гор. Ставрополь.

«Пом. нач. жанд. Терск. Област. Упр. в Ставрополе, ротмистр Скальковский, усматривая, что еще в 1897 г. Николай Бессменов обвинялся в возмущении крестьян против властей и что по этому поводу, по распоряжению главнокомандующего на Кавказе, произведено было дознание, что Николай Бессменов в устроенном им поселке «Николина Пристань» внушал крестьянам превратные понятия, советуя им сопротивляться администрации и суду, что в феврале 1902 г. он участвовал в преступных беспорядках, бывших в Москве и Петербурге, что есть основание предполагать его участие в возмущении крестьян, выступивших в марте с. г. в Полтавской и Харьковской губерниях, в апреле в Армавире, в мае в Тихорецкой, Кутаисской обл., что по донесении полиции Ставропольского и Новогоргорьевского уездов, Ставропольской губ., в феврале 1902 г., он привез и распространил среди населения 500 экз. брошюры преступного содержания, под заглавием «Вторая Воля», что при личном обыске, произведенном силой (добровольно Николай Бессменов обскривать себя не дал), у него найдены тенденциозного содержания рукописные произведения, под заглавием: «Разрушенный мол» и «Есть на Волге утес», что на вопрос о сообщниках ответил с глумлением: «с собой их у меня нет», в виду означенного постановлено: Ник. Ник. Бессменова, как изобличенного в государственном преступлении, на основ. 27 ст. полож. о Госуд. Охране, заключить в секретную камеру Ставропольской Губ. Тюрем, строго предписав смотрителю оной иметь особое наблюдение над означенным секретным арестантом и ключ от камеры иметь у себя.

Скальковский.

«Объявлено 28 июня 1902 г., 11 ч. ночи».

Севастополь. Накануне приезда царя из Ливадии в наш город была выпущена здесь прокламация, разъясняющая рабочим непримиримость их интересов с самодержавием. Прокламация заканчивается словами: «Не криком „ура“, а криком „это злодей и кровопийца“ встречай их (царя и министров), русский народ, где бы они ни показались. Долой самодержавие! Довольно самоуправства!»

Из посада Азова, Донской области. Нет, кажется, в настоящее время на Руси такого глухого уголка, куда бы не достигали отголоски тех раскатов политической борьбы, которые из конца в конец проносятся по стране, взбудораживая сонную мысль обитателя темных медвежьих берлог и вселяя собою страх и трепет в сердца лакействующей царской провинциальной рати. Так в начале октября утром (около 9—10 часов) обыватели тихого

города Азова, населенного невежественными донскими казаками, которые издавна славились своими особенно «дикобразными» нравами, прочитали на фонарных столбах и заборах «дикиновное» «объявление». Обыкновенно они привыкли читать разные «объявления» от своего наказного атамана Максимовича, а здесь и не разобрать было, от кого. Не то от «атамана», не то не «от него»... В этом объявлении говорилось о политических правах, за которые нужно «бороться» и вырывать их из рук «царя и его слуг», для того, чтобы стать народу свободным и сильным, чтобы никто над ним не издевался и т. д. Слова в «объявлении» были все «мудреные», от которых азовчан бросало в пот и в жар, так как никогда им раньше о таких «словах» не приходилось не только слышать, но даже и читать. И к столбам и заборам собирались мало-помалу кучки народа, а так как день был базарный, и вся площадь была запружена народом, то вскоре почти вся базарная толпа хлынула сюда. В толпе были казаки из станиц, близлежащих к Азову. Нашлись такие из толпы, которые бывали в Ростове, слышали про социалистов и рабочих, которые хотят «народу волю дать» и, прочитавши такие «объявления», срывали их и прятали по карманам, чтобы прочитать их своим станичникам. Говорят, что почти всюду по посадку были расклеены до полуторы тысяч прокламаций, а также и разбросаны. Посадские власти вначале не обращали никакого внимания, но около полудня распорядились их сорвать, но многие прокламации были так крепко приклеены, что их пришлось замазывать, разгоняя при этом любопытную толпу. Прокламации все были соц.-демократические. В посадке после этого события только и разговоров, что про «объявления», которые «больно хорошо написаны», как говорят обыватели-азовчане. Власти, по обыкновению, растерялись. Приезжали из Ростова жандармы, но никаких «корней и нитей» им в богоспасаемом граде отыскать не удалось. После же приезда жандармов здешние власти совершенно взвинтились и страшно «нервничали», что выразилось, между прочим, в том, что они устроили ночные патрули с целью накрыть и выловить «всех социалистов». Особенно сильное впечатление прокламации произвели на местных ремесленников, которые после этого начали разговаривать на ту тему, что не пора ли, «мол», и нам за ум взяться» и подобно ростовским рабочим добиваться прав.

ИЗ ПАРТИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮССЕЛЕ 29 ДЕК. 1902 г.

На одной из предыдущих конференций решено было, что каждая партия может, кроме избранного на международном конгрессе делегата, послать в международное бюро своего секретаря-корреспондента. В качестве такового я заменял товарища Плеханова на последней конференции, с решениями которой я и намерен познакомиться вкратце наших товарищей.

Все вопросы, подлежащие обсуждению конференции, касались будущего международного конгресса. Прежде всего, самый конгресс отложен на один год, т. е. до 1904 г. Предложение об отсрочке конгресса было внесено Зингером⁴, мотивировавшим его предстоящей в ближайшем году для немецкой соц.-демократии избирательной борьбой (в 1903 г. предстоят выборы в рейхстаг, в прусский ландтаг, а также коммунальные выборы во многих местах Пруссии), которая потребует огромного напряжения сил партии и лишит ее возможности быть представленной достойным для нее образом на международном конгрессе. Предложение Зингера почти не встретило возражений. Напротив, очень многие делегаты

выражали надежду, что конгресс в 1904 г. будет более внушителен, чем он был бы в 1903 г. Указывали, между прочим, на то, что во многих странах происходит, как в рядах пролетариата, так и в слоях, близко к нему стоящих, брожение, которое должно закончиться усилением рядов социалистической партии. Такие заявления были сделаны голландским делегатом Трульстра⁵ и представителем соц.-дем. федерации Гайндманом⁶. Последний обратил внимание на новые течения в среде английского тред-юнионизма, начинающего понимать необходимость образования политической рабочей партии, и на огромный рост социализма в Соед. Штатах Сев. Америки. С своей стороны, и мы, русские, можем надеяться, что до конгресса 1904 г. будет завершена та внутренняя организационная работа, которая теперь ведется в нашей партии, и мы явимся на конгресс как представители одной партии, объединенной фактически общей программой и тактикой.

Предложение Зингера было принято единогласно, с той оговоркой, что окончательное решение будет зависеть от результата опроса всех партийных организаций. Решено было также, что отныне расходы по устройству международных конгрессов должны нести все социалистические партии, что каждый делегат на будущем конгрессе должен внести для покрытия этих расходов по 10 франков.

Другой пункт, вызвавший оживленные дебаты и приведший к принятию предложенной Жоресом⁷ резолюции, касался вопроса о международной политике пролетариата. Резолюция гласит:

«Международное бюро полагает, что политическим партиям всех стран и самому бюро необходимо заняться более точным и более постоянным изучением вопросов международной политики. Бюро считает весьма важным, чтобы на будущий конгресс в Амстердаме социалистическими партиями всех стран были представлены доклады о международном положении, о народных предрассудках или правительственных комбинациях, могущих служить угрозой миру, и о лучших средствах к уничтожению вражды между народами и к предупреждению международных конфликтов».

Как видите, этот вопрос будет в той или иной форме дебатироваться и на будущем конгрессе, и будет излишнее сказать пару слов о том, как смотрит на него сам автор резолюции. Говорю только об авторе, потому что, насколько я могу судить, резолюция была принята как одно из тех добрых пожеланий, которым особенного значения не придают, но против которых много спорить не приходится. Другое дело — сам автор. Кто следил в последнее время за писаниями и деятельностью Жореса, тот знает, что он носит с мыслью о всеобщем мире и всеобщем разоружении. Это будет один из тех кусков социализма, которые мало-помалу вносятся в жизнь и незаметно для нас самих вводят нас в социалистический строй. До сих пор международные конгрессы заявляли, что «милитаризм есть фатальный результат современного порядка вещей», что только «создание социалистического строя положит конец милитаризму и обеспечит окончательно мир». Но такое решение, по мнению Жореса, слишком общее. Ему нужен готовый рецепт на всякий данный случай, и он надеется из международных докладов почерпнуть весь материал, необходи-

мый для его страпни. Мы очень сомневаемся, чтобы выполнение соответствовало желаниям Жореса. Можно быть уверенным, что никаких других, кроме общих решений по вопросам о милитаризме, о войне и мире представители интернационального пролетариата не примут и в Амстердаме, и что та внушительная демонстрация пролетариата, какой несомненно будет Амстердамский конгресс, гораздо больше приблизит нас к всеобщему миру, чем все рассуждения об этом предмете буржуазных идеологов.

Брюссель, 31 (18) декабря 1902 г.

Б. Гинцбург (Д. Кольцов).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ».

Соц.-демократическое движение в России растет и ширится. Это признают и враги его. Но активная соц.-демократическая работа до сих пор носит на себе печать разрозненности и кустарничества. Местные интересы, местный колорит преобладают над общими задачами. В области теоретической мысли в недрах соц.-демократической партии заметно шатание и неустойчивость. Разброд мыслей и действий соц.-демократов в значительной степени объясняют возрождение группы соц.-революционеров; эта группа, хотя и называет себя социалистической, но, по существу, является группой демократических реформ на основе буржуазного строя и способна затемнить в умах многих конечную цель движения пролетариата, как класса. Теперь для всех ясно, что настала пора размежеваться и придать социал-демократическому движению организованность и стройность. Необходимо создать сильную своею сплоченностью и социальным единством соц.-дем. партию. Эта партия должна стать во главе русского рабочего класса и руководить его движением.

Исходя из этой мысли, Саратовский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии полагает, что группа «Искры» может быть тем ядром, вокруг которого следует сгруппироваться отдельным соц.-дем. ячейкам для организации и развития общероссийской соц.-демократической партии. Поэтому Саратовский Комитет считает необходимым признать «Искру» своим партийным органом и ставит себе в непреложную обязанность помогать ей по мере сил. Вместе с тем Саратовский Комитет признает существенно важным, чтобы в непродолжительном времени был созван общероссийский соц.-демократический съезд или найден был какой-либо другой путь для окончательного решения вопросов организации и тактики партии. Признавая «Искру» руководящим партийным органом, Саратовский Комитет полагает, что созревает жизненная потребность поставить на очереди вопрос о расширении литературного дела партии. Кроме руководящего органа, необходимо создать общерусскую популярную рабочую газету. Рабочей массе необходимо дать подходящий материал, руководясь которым она сама дошла бы до желательных для нас революционных выводов.

В тех же целях необходимо создание популярной брошюрной литературы. Во избежание недоразумений, Саратовский Комитет считает необходимым заявить, что он вполне присоединяется к основным принципам, высказываемым «Искрой», расходится же с ней по некоторым второстепенным вопросам.

Вместе с тем Саратовский Комитет заявляет, что с июня 1902 г. в Саратове прекратил свое существование Саратовский Соц.-Дем. Ремесл. Союз. Все члены его вошли полностью в состав Саратовского Комитета. В сентябре этого же года распалась «Объединенная группа соц.-дем. и соц.-рев. г. Саратова». Соц.-демократические члены этой группы целиком вошли в состав Комитета.

Саратов. Декабрь. 1902 г.

Саратовский Комитет Росс.
Соц.-Дем. Раб. Партии.

В начале сентября этого года в Одессе из местного Комитета нашей партии выделилась группа лиц и образовала самостоятельную организацию, под названием «Южного Революционного Союза Соц.-Демократов». Эта организация издала целый ряд прокламаций (манифест об образовании организации, Ко всему русскому народу, К новобранцам, К сельской интеллигенции, 14 декабря), брошюры: «Голод и самодержавие» и «К ростовским событиям», с послесловием: «Чему учит ростовская стачка». От этой организации мы только что получили следующее заявление: «Ю. Р. С. С.-Д. заявляет всем товарищам, что, сходясь во всех своих взглядах с „Искрой“, считая насущной задачей нашей партии возможно скорое и прочное объединение всех революционных сил и видя в «Искре» единственную организацию, способную довести до конца начатую ею громадную работу по организации партии, Ю. Р. С. С.-Д., по предложению „Искры“, решил прекратить свое существование в качестве самостоятельной организации и, сливаясь с организацией „Искры“, будет всеми силами содействовать ей в ее организационной работе».

В течение октября и ноября Нижегородским Комитетом изданы следующие прокламации: 1) «К обществу» (суд над демонстрантами) печатная. 2) «Ко всем нижегородцам» о том же (печат.). 3) «О солдатыне» (к рабочим и крестьянам) — мимеогр. 4) «Суд над сормовскими демонстрантами» по поводу приговора над Заломовым и друг. (мимеогр.). 5) «Суд над городскими демонстрантами» (мимеогр.). 6) Отчет сормов. с.-д. раб. организации (гектогр.).

Одной группой соц.-дем. (как нам сообщают, сибиряков) издана гектографированная брошюрка, содержащая проект партийной программы, выработанный редакцией «Зари» и «Искры», и обстоятельное введение, в котором сочувственно характеризуется проект и дается общий обзор современного положения революционной социал-демократии и ее задач. Особенного внимания заслуживает удачная попытка авторов брошюры точно и ясно определить свою «революционно-пролетарскую точку зрения» и свое отношение ко всем современным «экономическим», «критическим» и «социалистско-революционн.» шатаниям.

Полтавский Ком. Росс. С.-Д. Р. П. выпустил прокламацию к полтавским рабочим (помеченную ноябрем 1902 г.) по поводу ростовских событий с разъяснением их значения и призывает к нравственной и материальной поддержке.

Нас просят поместить следующую резолюцию:

«Российская учащаяся молодежь в Берне выражает самое полное и самое искреннее сочувствие свое ростовским рабочим, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрелости русского пролетариата.

«Она считает своей нравственной обязанностью всеми своими силами служить делу политического и экономического освобождения этого пролетариата, которое является в то же время делом освобождения всего трудящегося населения России».

Сведения о Персице. Нам сообщили, что провокатор Персиц (см. о нем № 24 «Искры») запаса в Жене русским паспортом, выданным на имя Александра Кушелевского, крестьянина из Белостока, 21 года от роду. Пусть примут это к сведению все товарищи!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С 6 на 7 дек. в г. Харькове были аресты. Арестованы Павел Крафт, интелл., Лагутин, интелл., студ. унив.: Пустовойтов, Бабуник; студ.-техн. Ефименко, интеллигентки: Протопопова, Кириллова, Левандовская; акушерки Пузанова и Крамаровская, раб. Иванов. Высланы в Восточн. Сибирь: Крушель, Антонов, Бакшеева. — 28 октября в Чернигове были арестованы: г-жи Брегина (интелл.) и Брандт (акушерка). В середине ноября были освобождены. Были арестованы по провокации рабочего Шостинского

порохового завода, по фамилии Рудый. Из следствия оказалось, что обе они совершенно непричастны к делу. 3 дек. в том же городе арестована типография, при этом взято двое мужчин и одна женщина (люди не местные). Кроме того, арестован в ту же ночь ученик земской фельдшерской школы Мстиславский. Все четверо увезены в Спб. Открыта была типография не местными жандармами. Как была открыта типография, точно неизвестно. Говорят, что проследили одну даму, проезжавшую границу и будто что-то везшую с собою. Ее пропустили на границе и поехали вслед за нею. По слухам взято 7 пудов шрифта и уже отпечатанные прокламации. — В ноябре в Перми произведены обыски у служащих в Губ. Упр.: Житковой (вторично) и Наумова. По распоряжению губернатора оба эти лица удалены со службы. Устранен от должности также статист. Владимирский и г-жа Мутных. Мотив увольнения тот, что названные лица привлечены к дознанию жандармским управлением. 10 дек. арестованы два воспитанника промышл. учил., но через три дня выпущены.

В Тобольской губ. арестован еще в августе отбывший свой срок политический ссыльный Пигнатий, приехавший сюда по своим делам. У него найдено при обыске много адресов различных лиц. По всем этим адресам сделано распоряжение произвести обыски. Нам известно об обыске в Орловской губ. у одного помещика, адрес которого был найден у Пигнатия. Где теперь Пигнатий и что с ним, нам неизвестно.

Бежал из с. Верхне-Острожского, Балаганского уезда, и прибыл за границу Л. Стоик. Был сослан туда до приговора по делу петерб. «Раб. Библиотеки».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Rb. Sp. Pn. Пришлите подробности. Вероятно, вы правы.

Зего. Дайте адрес для ответа.

Мазепа. Корреспонденция получена. Спасибо.

Б. «Неудачный дебют» и остальное получ., пойдет в № 32.

1900. Мы не можем считать вас своим представителем, так как для этого требуется полная солидарность и работа исключительно для одной организации.

Нас просят заявить, что Инсаров, читавший реферат в Женеве, не то лицо, которое помещает статьи под этой фамилией в легальных журналах.

Получено: из Карлсруэ с веч. 92,60 мар., за лит. 25 фр., для ростовцев 125,45 фр., от гр. Берне 150 р., из Гейдельберга 260 фр., из Мюнхена 200 мар., с реферата в Цюрихе 25,70 фр., отсюда же за литер. 40,20 фр., в пользу ростовцев чер. Ф. 50 фр., через Юлия 5,40 фр., для Красного Креста через него же 10 фр., из Г. 155 мар. для «И», отсюда же в пользу ростовцев 56,20 мар., от нового товарища 20 фр., из Льежа для ростовцев 35 фр., для них же из Лондона 3 фунта (в том числе из кассы русского рабочего кружка 1 фр. 5 шил.), от Ч-ев 50 р., от сибирского кружка 65 р., на Дитца от Г. на литературу 25 р. От организации юга 20 руб., от Филиппа через организацию Ю. 15 руб.

К этому номеру прилагается иллюстрированное приложение.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Земские «реформы» Александра III («Положение о земских учреждениях» 1890 г.) сводились почти к полному превращению земств в сословный орган дворянского землевладения и к полному их подчинению бюрократии. «Положению о земских учреждениях» предшествовал закон 1889 г. о земских начальниках, согласно которому над крестьянством учреждалась помещичье-административная опека в лице назначенных губернатором чиновников с широкими административными и судебными функциями. Земские начальники, рекрутировавшиеся по большей части из разорившегося дворянства, получили широкое право административной расправы с крестьянами (арест, штрафы, устранение от должности волостных старшин, сельских старост, отмена постановления сходов, отмена приговоров волостных судов и пр.). Наконец, в 1892 г. Александр III утвердил новое «Городовое положение», созданное по типу «Положения о земских учреждениях». Городское управление так же было подчинено произволу бюрократии, как и земство.

Прим. 2. Прокламация написана т. С. И. Гусевым.

Прим. 3. Курсистка Мария Ветрова в 1897 г. покончила самоубийством в тюрьме. Ее смерть вызвала демонстрации в Петербурге, на Казанский пл. и в других городах, известные под именем «ветровских».

Прим. 4. Зингер — Пауль (1844—1911), один из вождей германской социал-демократии, бессменный председатель ее партийтагов и международных социалистических конгрессов. Выйдя из рядов буржуазии (довольно долго был совладельцем большой мастерской женского платья), З. в начале своей политической деятельности примыкал к буржуазной демократии, отличаясь от массы буржуазных демократов последовательностью и бесстрашием. В 1870 г., когда германская буржуазия была опьянена победами над Францией, З. подписал протест против отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. В 1878 г., когда на германскую социал-демократию обрушился исключительный закон против социалистов, Зингер окончательно порвал с буржуазией и вступил в ряды с.-д. С тех пор история жизни З. неразрывно связана с историей германской соц.-демократии. Но в то время, как многие вожди ее постепенно поддавались оппортунизму, З. всегда был среди самых решительных его противников. «Во время исключительного закона против социалистов», — писал о нем Ленин, — З. вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых» полу-анархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов» во что бы то ни стало». В позднейшее время З. столь же решительно боролся с ревизионистами». (В. И. Ленин. Собр. соч. т. XI, часть II, стр. 218.)

Прим. 5. Трульстра, Питер (1860 г.) — один из основателей голландской соц.-дем. партии и ее парламентский лидер. Вождь крайнего правого крыла голландских социалистов. Один из самых правых деятелей II Интернационала.

Прим. 6. Гайндман, Г. М. (1842 — 1922) — один из основателей социал-демократической федерации (первоначально, до 1883 г. она именовалась «Демократической Федерацией»). Позже, в 1911 году, один из основателей Британской Социалистической Партии. В письме к Зорге от 15 декабря 1881 года Маркс называет Г. «прекраснодушным мелкобуржуазным писателем». В 1911 году Г. выпустил свои воспоминания: «Записки о полной приключений жизни». «Автобиография Гайндмана, — пишет Ленин по поводу этой книжки, — есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму, никогда не отделяясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков» (Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, стр. 407). Эти характеристики целиком подтвердились в годы войны, когда Г., подобно большинству типичных фигур II Интернационала, стал социал-шовинистом. В 1916 году Г., исключенный из Британской Социалистической Партии, вместе со своими сторонниками организовал национал-социалистическую партию.

Прим. 7. Жорес — см. прим. 4-е к № 18 «Искры».

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ИСКРЕ» № 31.

ГАЗЕТНОЕ ИЗВЕСТИЕ:

«Государь Император на всеподданнейшем докладе Министра Внутренних Дел о выраженных пекоревским (Роменского уезда, Полтавской губ.) соединенным волостным сходом верноподданических чувствах любви и благоговейной преданности к царскому кнуту и порицания зверски замученным жертвам российского правительства — собственноручно в 9-й день сего октября Всемилоостивейше начертать соизволил: прочел с удовольствием».

«Гей не дивуйтесь, добріи люде,
Що на Вкраїні повстало!...»

Украинская народная песня.

